

ЕЛЕНА ФИЛОН

ТОЛЬКО СЛУШАЙ

МУЗЫКАЛЬНЫЙ РОМАН

Елена Филон

Только слушай

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70280746

SelfPub; 2024

Аннотация

Слишком рано я узнала, что такое быть одинокой. Слишком рано поняла, что все проблемы по жизни придётся решать самой – без чьей-либо поддержки. Ведь у меня больше не было семьи... Музыка стала моей второй половинкой, частичкой меня, что вселяла надежду и веру в лучшее будущее. Именно музыка однажды и привела меня в солнечный Лос-Анджелес, где проходил первый отборочный тур в музыкальное шоу «Рок без границ». И зачем я только на это подписалась?.. Чем думала?.. С самого аэропорта всё пошло не так. Вы что-нибудь знаете о самой популярной рок-группе уходящего года Far-between?.. Я вот даже не слышала. И когда впервые с ними столкнулась, это и положило начало всем моим неприятностям. Эта встреча породила вражду с самым невыносимым человеком на свете и идиолом с миллионной армией фанатов по совместительству. А что ещё хуже, именно эти парни и стали судьями шоу, в котором я решила принять участие.

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	18
ГЛАВА 3	31
ГЛАВА 4	43
ГЛАВА 5	55
ГЛАВА 6	72
ГЛАВА 7	84
ГЛАВА 8	95
ГЛАВА 9	115
Конец ознакомительного фрагмента.	118

Елена Филон

Только слушай

Все герои вымышленные.

Любые совпадения с реальными людьми случайны.

«Никогда не спрашивайте разрешения на то, чтобы идти за своей мечтой. Следуйте за ней хоть на край света, независимо от того, что думает об этом мир. Его мнение – не важно. У вас только одна жизнь, и вы являетесь автором вашей истории. Ответственность за вашу мечту лежит на ваших плечах».

Джаред Лето

ГЛАВА 1

Красное – красное. Не алое, не пунцовое, не рубиновое.

Снег – белый и холодный. Не волшебный, не сказочный, не пушистый.

Запахи, вкусы, ощущения... Всё в моём понимании охвачено рамками реализма. Я не мечтательная натура, не фантазёрка и вовсе не пессимистка. Я – это я. Сегодняшний день – моё всё. Завтрашний день... это завтрашний день. Не больше и не меньше.

Музыка – единственное в моём понимании, что может быть разным: одна и та же песня способна возродить в душе множество противоречивых эмоций. Сильных и горестных. Радостных и грустных. Болезненных и воодушевляющих. То, что способна делать музыка, не может делать ничто. Она во мне. Я в ней. Мы одно целое. Мы две половины. Две родственные души. Всё остальное стандартное и безвкусное. Реальное. Такое, как было, есть и будет.

Земля не станет квадратной. Снег не будет тёплым. Красное не назовут белым.

А для музыки границ не существует.

Гибсон в древнем самодельном чехле для электрогитары больно лупила по заду. И по мере того, как ускорялся шаг, удары становились сильнее. Зад мне было не жалко. Жалко было дорогуший инструмент. Дорогуший во всех смыслах.

Перевесила сумку на плечо, взяла чехол в правую руку и продолжила бег.

Предрождественская суматоха в аэропорту мало чем отличалась от столпотворений в торговых центрах в дни распродаж – в эти самые дни.

Стараясь держаться в сторонке от главного потока людей, остановилась у фигуристой колонны, аккуратно прислонив к ней Гибсона, выдернула из ушей наушники и достала из внутреннего кармана куртки билет.

Голоса. Смех. Шум. Объявления рейсов. Повизгивание группы девиц неподалёку, прыгающих в предвкушении чего-то... Звуки аэропорта моментально заполнили голову, выбив из памяти последние аккорды гитар Three Days Grace.

В тысячный раз взглянула в билет, словно за последние десять минут в нём что-то могло поменяться.

Я и вправду это делаю. С ума сойти... я лечу в Калифорнию!

Чокнулась. Грейс сказала именно это, когда слышала мою уверенную речь о прослушивании, о рок-группе, о том,

что я должна на него попасть, и о том, что у меня нет денег, чтобы купить билет на самолёт.

Грейс – моя соседка по комнате, которую мы больше года снимали, деля арендную плату на двоих. Она старше меня на три года – ей двадцать три. И, как она сказала, мозгов у неё тоже будет побольше. В этом вся Грейс – жёсткий скептик. Но если б и впрямь не верила в мой талант, денег на билет ни за что бы не одолжила. «Меньше слов – больше поступков» – её девиз, – поняла я со временем.

Пришлось поклясться, что с первого же заработка (а подработку я планировала), вышлю Грейс не только долг, но и свою часть арендной платы за месяц отсутствия. Правда, ещё не решила, где раздобуду такую кучу денег в случае провала на прослушивании... Даже не знаю, как обратно в Нью-Йорк вернусь. Но я не я, если не подумаю об этом завтра – по мере поступления проблем.

Настолько ли я уверена в себе?.. Видимо, настолько.

Регистрация на рейс до Лос-Анджелеса открыта. Надо пробить себе дорогу сквозь «толпу чемоданов» и поспешить к терминалу. Багажа нет, только ручная кладь – тем проще.

Внутри всё дрожало и покрывалось мурашками, словно целиком проглотила мороженое и она никак не может растаять в желудке. Это первая моя поездка за последние десять лет. В прошлый раз, я спешила к терминалу, крепко держа маму за руку. Сейчас я одна и, несмотря на то, что волнение мне почти не свойственно, трепет и головокружение в

предвкушении полёта не оставляют ни на секунду с момента покупки билета. Блин. Надеюсь, результат окупит себя и не заставит пожалеть о денежном долге, который я на себя повесила. Сейчас я практически на нуле.

«Ты больна! Что ещё за прослушивание? А если провалишься? Где жить собираешься? Что будешь есть?! – не умолкала Грейс, провожая меня из квартиры. – Это безумие! Тебе придётся продать гитару, чтобы вернуться! И не забудь позвонить, как долетишь, или я точно убью тебя!»

Гитару продавать не собираюсь ни при каких обстоятельствах. Я вроде как уже упоминала, насколько эта красotka дорога мне.

Лучше почку.

Я улыбнулась. Какой смысл думать о том, чего вообще ещё не случилось? Ну нет у меня здравого смысла Грейс, и пусть катится к чёрту. Не Грейс – здравый смысл.

Группа девчонок по правую руку от меня неожиданно стала больше. На-а-амного больше! Да это целая армия! Все визжат и прыгают, как заводные куклы. С макияжем явный перебор – у каждой. Плакаты в руках, изрисованные сердечками и признаниями в любви неким Far-between. Мобильные телефоны готовы к съёмке.

Чокнутые.

Гибсон на одно плечо. Сумку на другое. И быстренько зашагала к информационному табло.

Визг разукрашенных красоток оглушил в ту же секунду, и

табун каблуков пронёсся мимо, закрутив меня на месте, как неустойчивый к равновесию волчок.

Тихо выругалась, провожая «стадо» мрачным взглядом.

Задний карман джинсов завибрировал – смс: «Во внутреннем кармане сумки пятьдесят баксов. Подарок к Рождеству. Ненавижу тебя, засранка! И не забудь позвонить!!! А мне надо выпить. Грейс».

Благодарная улыбка озарила лицо в тот момент, когда новая волна «отпадных красоток» почти сбила с ног. И лучше бы сбила, потому что, находясь в самом сердце табуна, приходилось повиноваться общему движению и тащиться чёрт пойми куда и чёрт пойми зачем. Пришлось обнять Гибсон обеими руками и ждать, пока процессия не остановится.

О Боже! Сколько духов они на себя вылили?! Кашляю и задыхаюсь. Снова кашляю и снова задыхаюсь! Плакаты бьют по голове. Огромные наклепленные ресницы, куча блёсток и помады – везде, на всех лицах! Что за всеобщая подготовка? Может труппа цирковых артистов? Мюзикл?.. Ну, школьный спектакль в крайнем случае...

Нет?..

Что тогда происходит?!

Новый взрыв криков. Визг!!! Да такой, что кровь из ушей польёт! Куча плюшевых игрушек взлетела в воздух. Толпа резко сместилась вправо, и я вместе с ней.

Господи, дайте ж выбраться из этого ада запахов и «маминных» каблуков!

Но дух Рождества никогда не был на моей стороне, ибо Санта не любит тех, кто отрещивается от него ещё в возрасте четырёх лет, так что вопреки желанию, убийственная процессия резко двинулась обратно – напролом. Словно пытаясь сбить что-то тяжёлое и непроходимое на своём пути... Или кого-то.

– Вон они – FB!!! Вон они!!!

– ГДЕ?!

– Вон там!!!

Безумное скандирование:

– Far-between! Far-between! Far-between!

Честное слово, перепонки сейчас лопнут. Если бы не гитара, давно б растолкала всех локтями, но если с ней что-то случится, о прослушивании, да и о самой поездке, можно забыть.

Так и вижу самодовольную ухмылку Грейс.

И вот меня резко понесло вперёд, вместе с двумя, мягко говоря, крупноватыми девицами за спиной. Ну прям настоящая «бабулина гордость» – растолкают и собьют с ног кого угодно! Или под себя подомнут... Меня, например.

Пришлось буксовать ногами и цепляться кедами за скользкий отполированный пол.

Плотный ряд из высоких широкоплечих мужчин в тёмных костюмах встречал каждую из нетерпеливых фанаток, мягким жестом требуя остановиться и дальше не соваться; позволить FB пройти к терминалу.

Вспышки фотокамер ослепляли: целая команда из репортёров, по другую сторону от бешеных фанаток неких Far-between, вовсю делала свою работу.

– Far-between! Far-between!

Меня толкали вперёд.

– FB! FB! FB!

Голова кружилась от запахов и непрошеного адреналина.

Нужно выбираться отсюда, пока меня не впечатали в грудь одного из массивных охранников.

– FB! FB! FB!

Ноги подкашивались. Тело отказывалось и сопротивляться. Может, и не стоит?..

Резко упала на колени, одновременно с этим закинув Гибсон на спину. И поползла, чёрт возьми, просто поползла, сжимая телефон в руке, потому что обезопасить и его шансов не было! Вон из пекла! Подальше от ненормальных.

Чьи-то цепкие пальцы врезались в плечи и резко вздёрунули мои метр шестьдесят пять с пола. В ту же секунду в спину прилетел мощный удар, принадлежавший явной любительнице плотно подкрепиться фаст-фудом. Кажется, девочка решила, что помогает мне пробиться через охрану. Вот спасибо! Век не забуду!

Толкнула так толкнула! Гандболистка, что ли? Так что пока летела, молясь, чтобы с гитарой всё было в порядке, изменить траекторию падения не было никаких шансов. Всем телом приземлилась на что-то мягкое и приятно пахнущее,

вдавив это *что-то* в пол.

Ох, чёрт. Это не *что-то* – это парень. С удивлёнными, а бы даже сказала ошеломлёнными и метающими искры недовольства карими глазами. Самыми нереальными глазами из всех, что я видела: радужки казались темнее цвета горького шоколада; может линзы? Пирсинг в брови и куча металла в ушах. Светлая кожа, гладко выбрит, губы поджаты от злости.

И этот парень смягчил моё падение.

Честно! Я уже раскрыла рот, чтобы извиниться за себя и за «бабулину радость». Мама всегда говорила, что хорошим людям не стоит стыдиться ошибок, если они вовремя попросили прощения. Но мне даже шанса не дали! Этот кареглазый... брюнет, наверное, – из-за кепки не разглядеть, – отшвырнул меня в сторону, так что я поприветствовала всем правым боком пол, а сам поднялся на ноги, отскочив от меня, как от заразной. Товарищи по группе, или кто там эти трое, тут же обвинили беднягу-пострадавшего с проверкой на целостность костей. Действительно, такой ведь монстр сверху свалился!

Новая волна фотовспышек ослепила – репортёры никогда своего не упустят. Кажется, я только что подмяла под себя одного из любимчиков разукрашенных Барби. Это ведь в меня сейчас летят их проклятья? Надеюсь, у охраны хватит сострадания не засовывать меня обратно в толпу, которая живого места не оставит от дряни, посягнувшей на их сокровище?

Ладно. Первым делом надо подняться с пола и найти телефон – другого нет. И вряд ли появится в ближайшем будущем.

Кто-то протянул мне руку. Прищулив один глаз, попыталась разглядеть лицо владельца – вдруг подстава? Высокий шатен выглядел настойчиво, моя ладонь оказалась в его руке, и парень тут же поднял меня с пола.

Я отстранилась.

– Ты в порядке? – спросил он, оглядывая моё тело на наличие повреждений. Взгляд больших серых глаз казался искренним, обеспокоенным. У *этого* пирсинг на лице отсутствовал, зато завитки от чёрной татуировки скользили по шее до самого подбородка.

Лёгкая улыбка коснулась его губ, продемонстрировав невероятно белый ровный ряд зубов, как у звёзд с экранов. Чёрт! Он же и есть звезда!

И те четверо, один из которых стал для меня подушкой безопасности...

Только в отличие от всех собравшихся, я понятия не имею, кто такие эти ребята!

– Эм... да... в порядке, – пробубнила бессвязно, борясь с раздражением от вспышек и негодующей толпы фанатов.

– Всё нормально, – заверил шатен охрану, проворно шагающую ко мне.

Плевать на охрану. Плевать на шатена и на «бедолагу» с пирсингом. Мне надо найти свой мобильный!

Только ж вы знаете, как это бывает...

Его нигде нет!

Тихо выругалась – да, я не особо умею контролировать эмоции, и словарный запас у меня обширный.

– Твой? – низкий безразличный голос привлёк внимание, и мой взгляд уткнулся в мощные чёрные ботинки на шнуровке, оказавшиеся в нескольких сантиметрах от моих поношенных кедров.

«Подушка» с пирсингом, смягчившая падение, была слишком близко, нарушая всякое понятие о личном пространстве. Может, у него и нет такого понятия?

Прищуренный взгляд нереально тёмных глаз казался опасным, предостерегающим, и тень от рваного козырька кепки этому только способствовала. На лице ни намёка на доброжелательность, словно судьба решена и меня вот-вот закатают в блестящий пол аэропорта. На голову выше, чёрная одежда... О, не смешите, рок-звезда, что ли?..

Парень высокомерно ухмыльнулся, продемонстрировав красный телефон в сжатой ладони:

– Твой, спрашиваю?

– Мой, давай сюда! – Забрать телефон не получилось: «рок-звезда» резко поднял руку и всё, что мне оставалось, это прыгать, как мелкой собачонке, чтобы до него дотянуться, на радость репортёрам. Нет уж, не дождётесь.

Сложила руки на груди и смерила засранца взглядом, полным презрения.

Кем бы ни были эти парни, скандалы их стихия, раз цирк, где я главный клоун, все ещё продолжается.

У них менеджеры-то имеются?!

– Отдай телефон! – угрожающе зарычала я, с трудом сдерживая поток отборных ругательств, рвущийся из нутра.

– Отдай ей мобильный, – шатен, выглядевший серьёзно, хлопнул кареглазого по спине, – это не поможет тебе избавиться от поганого настроения, Шейн. Давай, надо успеть на регистрацию.

Кареглазый не двигался, прожигая меня жёстким взглядом, словно я враг номер один и заслуживаю лишь смерти!

– Этот что ли? Это мобильный? – Шейн, или как там зовут этого звёздного мальчика, перебросил телефон в другую руку, продолжая гадко ухмыляться. – Из какого он века?

– Из такого, где недоумков, вроде тебя, ещё не было! – выплюнула я.

И зря. Фанатки теперь не только сыпали проклятиями, но и рвались разорвать моё жалкое тело в клочья!

Взгляд зацепился за несколько плакатов: крупными буквами, рядом с аббревиатурой FB, в розовых сердечках было выведено имя «Шейн».

Нет, ну вот же ж блин, а всё так хорошо начиналось!

– Брось, Шейн, она не специально на тебя упала, – заступался шатен; татуировка на шее плавно извивалась по мере движения кадыка. – Её толкнули. Прекращай.

Шатен повернулся ко мне и, в отличие от Шейна, агрес-

сией от него совсем не веяло. Привлекательное лицо выглядело доброжелательно.

– С тобой точно всё в порядке? – поинтересовался он, видимо очень стараясь загладить грубость товарища по группе. Маленькое серебряное колечко в ухе поймало блик света, и на какой-то миг моё внимание переключилось на него.

«А этот парень кажется милым»...

Звонкий стук чего-то ударившегося о пол отрезвил сознание – Шейн намеренно выронил мой дряхленький телефон, а микросекунду спустя его мощный ботинок продавил дисплей и с хрустом ломающегося пластика протянул по полу то жалкое зрелище, что осталось от моего мобильного.

– Ой! Как нехорошо получилось, – протянул Шейн пропитанным сарказмом голосом и, толкнув меня плечом, зашагал к терминалу.

Вспышка ярости на миг овладела сознанием. Но я знаю себе цену, так что точно не стану реветь и истерить!

С гордым видом подобрала с пола остатки маминого телефона.

Удачное начало поездки, что тут сказать! Теперь из-за какого-то самовлюблённого кретина придётся думать, где раздобыть новое средство связи, в то время как я на мели! И думать над этим надо сейчас, а не завтра!

– Надеюсь, тебе полегчало! – выкрикнула, не оборачиваясь, приказывая ногам стоять на месте, а желанию броситься вдогонку и сломать убудку нос – утихнуть.

– Не сказал бы, – донёсся в ответ безразличный голос Шейна, и я обернулась.

– Ты должен мне новый телефон!

Парень остановился, выдержав драматическую паузу под вспышками фотокамер, и медленно повернулся, слегка склонив голову набок. На лице холодное безразличие:

– Твоё барахло и пяти баксов не стоило, а ты не в моём вкусе, чтобы делать дорогие подарки. И в следующий раз проходи мимо, терпеть не могу ненормальных фанаток.

Двое из приятелей по группе заржали.

Я крепче стиснула разбитый телефон в ладони.

Руки двух охранников опустились на мои плечи:

– Мы проведём вас до безопасного места, мисс.

Я сверлила взглядом рожу этого недоумка. Не думала, что за какие-то две минуты возможно возненавидеть человека, которого прежде ни разу в жизни не встречала. О котором даже не слышала!

– Да я понятия не имею, кто ты! – громко воскликнула я, и это был удар ниже пояса: брови Шейна недоумевающе приподнялись. – Обычный говнюк! – добавила с усмешкой и охранники с силой повели меня прочь.

ГЛАВА 2

Чтоб она синим пламенем горела, эта поездка! Мобильный растоптан в щепки! «Прости, Грейс, позвонить по прилёту не получится!» На самолёт едва успела! А какой-то толстяк вылил американо на мою белую толстовку – в проходе разминуться не получилось! И хорошо, что не кипяток, иначе вместо просушивания, прямо из аэропорта пришлось бы катить в неотложку с ожогом на груди!

Чёрт!

Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Бросила сумку на пол, аккуратно прислонила Гибсон к стенке и, уперев руки в бока, глубоко вздохнула.

«Ну, здравствуй, Голливуд!»

Лос-Анджелес радовал солнцем. Электронное табло над выходом из аэропорта сообщало о плюс тринадцати градусах по Цельсию.

А в Нью-Йорке вчера шёл снег... Люблю холод. Жару не очень.

Скинула куртку и запихнула в сумку. Одежды у меня с собой мало, да и для того, чтобы переодеть загаженную кофе толстовку, придётся потратить время на поход в туалет. А времени у меня в обрез. На часах начало второго. Первый этап прослушивания будет длиться два дня, начало – в три, и

если не удастся попасть на него сегодня, надо будет думать о том, где ночевать. Вокзал – как вариант. Или придётся снова вернуться в аэропорт.

Нужно успеть сегодня и точка. Всем, кто получит «билет» во второй тур, обещают предоставить общежитие. Представляю, сколько народу припрётся!

Достала дряхленький кошелёк. И дело не в том, что жалко денег на новый. Автограф Дерика Уилби дороже всех новых кошельков вместе взятых! Со своим я буду ходить до самой смерти!

Посчитала наличку – негусто, но на такси отстегнуть придётся.

Вытащила из заднего кармана джинсов помятую распечатку:

[«Независимый Калифорнийский лейбл звукозаписи Victory Records совместно с музыкальным агентством Южной Кореи R.Q. Entertainment объявляет о наборе юношей и девушек в интернациональную рок-группу!

В кастинге может принять участие каждый достигший 18 лет!

Вы талантливы, оригинальны, амбициозны и уверены в себе? Придите и докажите нам это!»]

Бла-бла-бла.

[«Дорогие друзья! Лейбл Victory Records всегда славился своим неординарным подходом к музыкальной индустрии! У нас нет «проплаченных звёзд»! У нас есть только таланты! И благодаря друзьям из Сеула мы расширяем границы! Ведь для музыки границ не существует! Наши планы колоссальны и, мы уверены, благодаря ТЕБЕ одной звездой на музыкальном Олимпе станет больше!

Набор в новую музыкальную группу будет проходить в рамках реалити-шоу «Рок без границ»!

**ПОБОРОТЬСЯ ЗА МЕСТО СМОЖЕТ КАЖДЫЙ!
ЭТАПЫ ОТБОРА:**

09.12.2015 – 1-й отборочный тур. Начало в 15.00

10.12. 2015 – 2-й отборочный тур. Начало в 14.00

Адрес: Кинотеатр Warner Grand

США, Лос-Анджелес (Калифорния), Сан-Педро.]

Про лейбл Victory Records я слышала, а вот про Южную Корею вообще ни черта не знаю, кроме того, что эти ребята до сумасшествия консервативны.

И как эти двое вообще спелись?..

Убрала распечатку в сумку. Надо двигаться.

Закинула гитару на плечи и, поймав взглядом картинку с билборда на стене прямо над головой, застыла.

Что за знакомые рожи с гитарами в руках?.. Не этот ли

кретин по центру с физиономией крутого мачо-мена недавно раздавил мой телефон?.. О да! Он самый. Ше... Ше... Шейн! И вовсе он не брюнет, ну, или брюнет, только выкрашенный в пепельный. Виски и бока коротко острижены, а на макушке длиннющий хаер, зачёсанный назад. И этот надменный взгляд божества... Тёмные глазищи самого дьявола!

Меня невольно перекосило.

И что ещё за группа такая – Far-between? Если эти парни играют рок, почему я ничего о них не слышала? Успели даже армией фанаток обзавестись в самом Нью-Йорке... Откуда взялись? Когда это всё самое интересное в мире музыки успело проскочить мимо меня? А может, не такое уж и интересное?..

Профиль шатена с взлохмаченными в идеальном хаосе волосами был великолепен. Нос с небольшой горбинкой. Напряжённый подбородок. Сильно выраженные скулы. Жилистая шея с чёрными языками пламени...

С трудом отвела взгляд.

* * *

Улицы перед кинотеатром Warner Grand, как и ожидалось, заполнены до предела. Так что таксисту пришлось остановиться у соседнего здания, чтобы не создавать пробку.

Расплатившись, выскочила под солнышко, тепло которого приятно растеклось по коже. Прохладный ветерок взметнул

волосы к безоблачному небу, так вовремя напомнив, что перед прослушиванием нужно обязательно добраться до зеркала и привести себя в порядок. Мои длинные волосы всегда были ужасно непослушными, но носить их в хвосте, или, что того хуже – в косе, мне не нравилось.

Мандраж от города Ангелов не проходил. И не сказать, что он был совсем уж приятным. Я не бывала здесь раньше, но мама говорила, что именно сюда отправился отец, когда бросил нас; мне тогда было почти три года.

«Мой талант не реализован, – часто говорил он моей матери. – Голливуд не должен лишиться такого актёра, как я. Я покорю мир, Моника, даю слово! Ты увидишь меня на больших экранах! Все прославленные режиссёры ещё поборются за меня!»

К слову, о моём отце больше никто не слышал.

Моника, то есть мама, родила меня в семнадцать и стала конечным пунктом для таланта моего отца (уж не знаю, что там за талант был у него на самом деле). Родители отца настояли на браке, со стороны матери высказать мнение было некому – она росла сиротой. Знаю, что отец настаивал на том, чтобы перервать беременность, ему и самому тогда было немного за девятнадцать, но Моника наотрез оказалась это делать, угрожая тем, что привлечёт его к ответственности судебным путём. Так что... с самого начала у этих двоих как-то не заладилось... Амбиции отца стать знаменитым были слишком сильны и в итоге взяли верх. А мама, наверное,

слишком любила его, или думала, что любит, или попросту боялась остаться одна с ребёнком на руках, раз терпела его выходки и похождения... Мне она ничего об этом не рассказывала.

Откуда узнала?.. Из её дневника, доставшегося мне вместе со старыми пластинками, древним красным мобильным, кое-какими украшениями и небольшим банковским счётом. Вот такую коробку памятных вещей о матери вручили мне родители отца, прежде чем отдать во временный приют, где я попала под фостерную систему США по распределению детей по семьям.

Первые двенадцать месяцев – это что-то вроде проверки, когда специальная организация определяет способности ребёнка к адаптации в новом обществе – подготовительный этап перед усыновлением. И судя по всему, его я не прошла. Или ни у кого так и не возникло желания связать свою жизнь с девочкой, которая уже в десятилетнем возрасте воровала из аптечки зелёнку и красила ею волосы под грохот AC/DC их колонок.

Хорошо, что есть религиозные организации, у которых приюты для детей существуют на постоянной основе. Там я и выросла. И там никто не мешал мне становиться той, кем являюсь теперь.

И вот сейчас меня ждёт первое прослушивание в жизни. Нет, выступлений у меня было достаточно: в клубах, на вечеринках, на улицах, но официальное и столь масштабное

прослушивание – впервые. Думаю, уверенность в собственном таланте – единственное, что досталось мне от папаши. И не скажу, что этому не рада. Главное, чтобы не мне одной так казалось.

Перед кинотеатром происходило настоящее представление! Думаю, большая часть из собравшихся – уличные музыканты! Люди в шапках Санта-Клаусов играли на гитарах, стучали по барабанам, пели, перебивая друг друга, кто-то танцевал... Кто-то притащил ложки и отстукивал ритм по металлическим поручням. Скейты со светодиодной подсветкой в честь Рождества стучали по тротуарам, велосипеды подпрыгивали на задних колёсах, как на мощных пружинах... Операторы устанавливали видеоаппаратуру на штативы. Фургончик MTV с изображением Санты в солнцезащитных очках и с электрогитарой на плече стоял неподалёку.

Сдерживать улыбку бесполезно.

Это Калифорния, детка!

Знакомый мотивчик хорошо известной панк-рок группы вылетал из колонок у входа в кинотеатр. Поспешила туда.

Думаю, надо обзавестись круглой наклейкой с порядковым номером, как у каждого из этих ребят, и найти туалет, чтобы привести себя в порядок.

В очереди к регистрационному столу пришлось проторчать минут двадцать. Большая наклейка с номером «322» предельно точно дала понять, что прослушивание для меня начнётся не ранее чем через часов семь, либо уже завтра.

Скорее всего, завтра. Да и с таким наплывом участников, думаю, организаторам придётся делать третий день первого отборочного тура.

Вот блин. Во сколько же сюда пришли все эти люди?.. Надо было лететь на вчерашним рейсом, остаться до утра в аэропорту и с рассветом мчаться к кинотеатру, чтобы занять очередь одной из первых.

Закинула гитару поудобней и шумно выдохнула, глядя на то, как один из участников под номером «49» даёт интервью. И, кажется, эта команда оператора и интервьюера к музыкальному каналу никакого отношения не имеет: на большой камере сбоку наклейка «Рок без границ». Что ж, видимо, съёмки реалити-шоу официально открыты! И это шоу – единственное, что меня реально напрягает.

Холл кинотеатра Warner Grand был просто огромен и невероятно шикарен! Золотистые высоченные потолки заставляли шею выгибаться неестественным образом. Сразу подметила забитый до отказа буфет: большую часть перелёта я проспала, так что толком и не позавтракала.

Переоделась в туалете в джинсовую рубашку. Запихнула наверняка насовсем испорченную кофе толстовку в сумку (ну не выкидывать же), склонилась над золотистой раковиной и плеснула в лицо воды.

Нет, я не нервничала по поводу прослушивания. Я готова ко всему – как к положительному результату, так и к отказу. И в случае последнего вены резать не собираюсь. Хотя слы-

шала о подобных случаях довольно много, неспроста ведь к зданию кинотеатра пригнали две машины «Скорой помощи». Все по-разному относятся к неудачам. Но всё, что по-настоящему беспокоит меня – это где ночевать, как купить обратный билет, как вернуть долг и как позвонить Грейс, чтобы мои проклятые щёки, наконец, прекратили пылать!

Отражение в зеркале абсолютно не радовало. Особенно глаза. Покрасневшие белки вокруг тёмно-зелёных радужек говорили о конкретном недосыпе, а глазные капли, как назло, забыла дома, хотя поездку планировала больше недели. Но разве есть в этом мире хоть один человек, который никогда ничего не забывает, отправляясь в путешествие?..

Вот и я не исключение.

Ночная смена в супермаркете, утренний кофе, быстрый душ, сумку в руку, Гибсон на плечи, попрощалась с Грейс и бегом в аэропорт. И какая будет следующая ночь, ещё неизвестно...

Надо собраться. Глубокий вдох. Медленный выдох.

– Нервничаешь? – звонкий девичий смешок за спиной.

Высокая коротко стриженная брюнетка в рваных джинсах и заправленной в них футболке Red Hot Chili Peppers заняла место у соседней раковины и принялась поправлять пёстрый макияж.

– Да не особо, – отозвалась я, промокая лицо бумажным полотенцем.

Девушка широко улыбнулась, стрельнув в меня весёлень-

ким взглядом ярко-голубых глаз:

– А кажется, что очень.

– Ошибаешься. – Нет, сейчас я точно на разговоры по душам не настроена. Подхватила вещи и двинулась к выходу.

– Ты не из Лос-Анджелеса? – поинтересовалась вдогонку брюнетка.

Я развернулась, озадаченно приподняв брови.

– Кожа, – усмехнулась девушка, – слишком бледная.

– Я из Нью-Йорка.

– М-м-м... – оценивающий взгляд скользнул по моему телу, замерев на наклейке с номером. – Надолго ты здесь. Я имею в виду...

– Мой номер. Я поняла.

Девушка с номером «109» сделала шаг навстречу и протянула руку, сказав вполне доброжелательно:

– Дани.

– Тейт, – я ответила на рукопожатие.

– Твоя красотка? – девушка кивнула на гитару.

– Ну, а чья ещё?

Дани не прекращала улыбаться. И то ли в Лос-Анджелесе все, кто искренне пытается быть доброжелательным, вопреки всему производит совершенно противоположное впечатление, либо ничего искреннего в этой брюнетке и нет. Либо... либо у меня недосып, паранойя и куча психических расстройств.

– Ты не в курсе, что ли? – улыбалась Дани.

– Не в курсе чего?

Девушка вновь кивнула на мою гитару:

– В первом отборочном туре запрещено какое-либо музыкальное сопровождение. Исключительно вокал и ни звука больше.

Она мягко похлопала меня по плечу:

– Кстати, крутой цвет волос! – игриво подмигнула и вылетела из уборной, оставив меня одну с выражением законченной идиотки на лице.

– Отлично... И что я буду делать без гитары?..

Придётся менять концепцию.

В зал ожидания вызывали по двадцать человек, откуда, уже по одному, участники попадали на сцену и на суд жюри.

Камеры с интервьюерами сновали туда-сюда, периодически останавливаясь то перед одним конкурсантом, то перед другим, с просьбами поделиться эмоциями о происходящем.

А нервоз уже добрался и до меня...

Прямо событие века какое-то! Рождество и вовсе у всех из голов повыпрыгивало!

«Прослушивание! Рок-группа! Судьи! Второй тур!» – вот какие слова летели из каждого угла!

Я сидела на полу недалеко от двери в комнату ожидания. Обняла руками Гибсон, как старую верную подругу, наблюдала, как распеваются люди и ломала голову над тем, что буду петь я!

Меньше всего хотелось расставаться с гитарой. Она – моя

уверенность в себе! Она – мой ключ к успеху! Только с ней я могу чувствовать себя спокойно на сцене. Только с ней мой талант готов проявить себя в полную силу.

Но «крошки» со мной не будет.

Чёрт. И песня не подойдёт. Чтобы показать вокальные данные, придётся исполнить нечто, способное затмить виртуозную гитарную партию.

Не скажу, что я сильно парилась. Была уверена, что сегодня очередь до меня не дойдёт. Спокойно перекусила в буфете, потратив на шоколадный батончик и пачку крекеров пару баксов (воду раздавали бесплатно), вернулась на место у двери и когда закончила с едой, оказалось, что на улице уже темно. Времени почти десять вечера, но не сказала бы, что народу сильно поубавилось.

Тут-то и объявили номер «322» в последней группе!

Что-то вылетело в этот момент из моего тела... наверное, весь дух без остатка.

На ватных ногах поднялась с пола и дрожащими руками подхватила вещи.

В комнате ожидания было тесно, куча зеркал и яркое освещение. Похоже на гримёрку. Ассистенты в одинаковых ярко-жёлтых майках с логотипом «Рок без границ» закружились вокруг последней двадцатки участников с разъяснениями о том, как правильно держать микрофон, чтобы голос звучал, как надо, и прочее. Я не стала выпендриваться и как послушная девочка выслушала все инструкции. Затем при-

села на мягкий стул, сунула в уши наушники и принялась лихорадочно перебирать песни, пытаясь выделить одну-единственную и самую подходящую.

Трясучка добралась до коленок, пальцы отбивали ритм по мягкой обшивке стула, каждая мышца на лице... да чего там – во всём теле, вопила от напряжения!

– Номер «322», – улыбнулся мне парень-ассистент, указывая рукой на противоположную дверь.

Шумно выдохнула и поднялась на ноги.

Ну, вот и он – мой звёздный час!

ГЛАВА 3

Лакированный деревянный пол. Шикарный золотистый занавес, прибранный по бокам широкими атласными лентами. Приглушённое мягкое освещение. Пустые кресла из красной замши, рядами убегающие вверх. Длинный стол у подножия сцены, а за ним судьи – единственные люди во всём зале, не считая меня, парочки видеооператоров и полненькой тётеньки со жгуче-красным каре и микрофоном в руках.

Сглотнула ком в горле и потащила ноги в центр сцены, на белую наклейку в виде креста. Стойка с микрофоном передо мной. И четыре пары оценивающих глаз... Три принадлежат немолодым мужчинам. Четвёртый судья – женщина лет тридцати пяти. И никого из них я даже по телеку не видела, хотя... его я редко смотрю.

А вот и азиат – кореец, наверное... С ними ведь у нас совместный проект наметился?..

Дала себе слово, что после прослушивания, каким бы ни был результат, при первой же возможности выйду в Интернет и прочитаю про музыкальную культуру этой нации.

– Номер «322», – заговорила женщина с блестящими белыми волосами, читая с листка, – Тейт Миллер, 20 лет... Вы из Нью-Йорка?

Блондинка уставилась на меня, на лице так и написано: «Какого чёрта я тут до сих пор сижу?.. И какого чёрта спрашиваю это триста двадцать второй раз за день»?..

– Да, – ответила я.

Прозвучало хрипло, тихонько откашлялась в кулак.

– Интересный цвет волос, – улыбнулся мужчина в роговых очках и с длинными полуседыми волосами, прихваченными резинкой на затылке.

Кивнула. Снова откашлялась и смело взяла в руки микрофон, потому что мне срочно надо было их чем-то занять.

– Довольно милая, – не стесняясь, произнёс азиат, делая пометку в блокноте, и никакого акцента в голосе я вообще не уловила.

– Где учились петь? – поинтересовался смуглый мужчина с впалыми щеками, глядя из-под тяжёлых бровей.

– Самоучка, – ответила я.

«И совершенно этого не стесняюсь».

– Что ж, – с тяжёлым вздохом вроде: «Опять зря тратим время», протянула блондинка, – и что будете исполнять?

Она даже не смотрела на меня: глядела в лакированную столешницу, отбивая своими розовыми ногтищами бессвязный ритм.

– Evanescence «Call Me When Youre Sober», – ответила я без запинки.

Судья приподняла подведённые чёрным веки и устало улыбнулась:

– Опять? – тихий смешок. – Господа, в который раз за день мы услышим данное произведение?

Блондинка откинулась на спинку кресла и скрестила на груди тонкие руки, увешанные наверняка тяжёлыми браслетами.

Я даже бровью не повела. Холодные струйки пота всюду рисовали дорожки по шее и спине, но на выражении лица волнение никак не сказывалось. Я прекрасно осведомлена о популярности этой группы, хотя за последние годы она немного притухла. О сильном вокале Эми Ли и прочем, прочем, прочем... Но я пришла сюда просто попробовать свои силы и ничего ужасного не случится, если никто из присутствующих эти силы не оценит. И плевать, какой по счёту раз за день данная песня прозвучит в этих стенах.

Мне она нравится. Вот и всё.

– Сюзи, это невежливо, – улыбнулся женщине пожилой мужчина в роговых очках и обратился ко мне всё с той же мягкой улыбкой на устах: – Прошу вас, Тейт, приступайте. Несмотря на поздний час, мы все внимательно вас слушаем.

Ну вот опять этот ком в горле. «Проваливай уже давай!»

Глубоко втянула носом воздух, наполнив лёгкие до отказа, прикрыла глаза и медленно выдохнула.

И вот она заиграла – музыка в моей голове. Моя собственная музыка. Мои воображаемые инструменты. Моё воображаемое музыкальное сопровождение. Как это бывало раньше. Как это было в приёмной семье... Как это бывает в мо-

менты отчаянья... Как это было на похоронах матери... Тогда я ничего не слышала. Тогда я и научилась этому – воспроизводить музыку в голове. Делать её реальной. Выбрасывать из сознания все существующие звуки, уступая дорогу мелодии, поддерживающей во мне желание жить, творить и двигаться вперёд.

Я слышала его... Фортепиано. Тихое и мелодичное. Нежное и сильное. От грани до грани... Так, как я его чувствовала.

Взрыв! И весь музыкальный аккомпанемент обрушился разом: гитары, бас, быстрый барабанный ритм... И первые слова сами в нужный момент вырвались из груди.

Я пела так, как умела и могла это делать: чувствуя каждую фразу, каждое слово, каждую ноту. Проживая её. Становясь одним целым с музыкой в голове, с миром, что рождала во мне песня... Я парила. Не над сценой – где-то в другом мире, в другой реальности. Пела нежно и с надрывом. Сильно и мелодично. От грани до грани. Так, как я это умею.

«Моя» музыка завершилась последними тихими аккордами гитары. И голос стих.

Микрофон вернулся на стойку. Открыла глаза, на мгновение прищурившись от света камеры, которая в момент, когда я только собиралась петь, была выключена и опущена вниз.

Тяжёлое дыхание выравнивалось с трудом – песня сильная как по голосовому диапазону, так и по эмоциональному.

И, конечно же, я смотрела на судей. На эти четыре камен-

ные скульптуры, каждая из которых направляла глаза-пржекторы на меня. Лица не прочесть – пустое выражение. Нет даже простого одобрения, ну или разочарования – что тоже сгодилося бы...

Сдержанные – идеальное слово, чтобы охарактеризовать каждого из судей. Очень... очень сдержанные.

– Итак, – кореец заговорил первым, буравя меня тёмными узкими глазами, – почему вы выбрали эту песню?

Стандартные вопросы, я так полагаю. Но если не говорят: «Спасибо. До свидания», видимо, не всё так плохо.

– Просто потому, что она мне нравится, – всё ещё тяжело дыша, проговорила я.

– Или потому что без музыкального аккомпанемента данное произведение способно весьма прилично раскрыть голосовые возможности? – улыбнулась блондинка, и ничего радужного в этой улыбке я найти не смогла. – Считаете, что песня, которую наши уши только за сегодня слышали около десятка раз, помогла вам проявить себя? Поэтому вы её выбрали?

Я постаралась улыбнуться в ответ как можно мягче. Не уверена, что получилось.

Нет, ну, если у тебя не хватает сил и терпения досидеть до конца отборочного тура и при этом не терять самообладания и объективности, какого чёрта вообще вписываешься судьёй на подобного рода мероприятия?

И кто вообще эта выдра такая? Какое отношение имеет к

року?

– Кажется, я уже ответила на этот вопрос? – мило улыбалась я, не сводя глаз с блондинки.

Та сложила ладони в замок и слегка перегнулась через стол:

– Просто потому что она тебе нравится?

«Когда это мы успели перейти на «ты»»?

– Точно, – я щёлкнула пальцами, что было сделано абсолютно зря!

Сюзи, или как там её, в недоумении вскинула брови.

Перебор. Даю заднюю:

– Просто потому, что эта песня и без настоящей музыки способна производить впечатление.

– Ты считаешь, что произвела на нас впечатление? – язила Сюзи.

– Не я. *Песня* способна производить впечатление, – с мягким нажимом повторила я.

Глаза Сюзи хищно прищурились.

– Что значит «Песня без настоящей музыки»? – с интересом произнёс мужчина с впалыми щеками. – Впервые слышу это выражение в данном контексте. Звучит как-то... поломанно.

Я перевела взгляд на него, стараясь отправить всю колючесть в голосе куда подальше.

– Я имела в виду, что для хорошего исполнения музыке вовсе не обязательно греметь на весь зал. Вполне достаточно

слышать её здесь, – коснулась указательным пальцем виска.

Мужчина с впалыми щёками твёрдо кивнул. Сюзи то ли хмыкнула, то ли фыркнула и отвела взгляд. Кореец продолжал делать записи в своём блокноте. А мужчина в роговых очках широко улыбался, явно довольный моим ответом.

Тихонько выдохнула. Ну хоть кто-то здесь на моей стороне.

Вроде бы...

– Ты ведь знаешь, что исполнила её в неверной тональности, так? – дружелюбно поинтересовался мужчина в очках.

– Да, – я кивнула. – Я всегда её так исполняю.

– Где, позволь спросить? – продолжал диалог мужчина.

– Нигде, – я пожала плечами, – люблю петь её себе под нос. Например, когда уснуть не могу. Или когда время тянется слишком долго.

– Интересно, – кивнул мужчина в очках, не сводя с меня пристального взгляда. – Мне нравится твоя открытость.

– Интерпретация была так себе, – вставила Сюзи и подняла на меня прищуренные глазки, – но в общем и целом должна признать – прозвучало неплохо. Не худший вариант за сегодня.

– Полностью согласен, – подхватил кореец, помахав в воздухе шариковой ручкой.

Мужчина с впалыми щеками вновь твёрдо кивнул.

А дяденька в очках продолжал лучезарно улыбаться:

– Ты ведь знаешь свой уровень?

– Конечно, знаю, – дёрнула плечами.

Сюзи хихикнула:

– Прозвучало как-то многозначительно.

Я не стала пояснять, что имела в виду – «мой уровень да-лёт от совершенства».

Да и дядечка в очках не дал возможности ответить:

– Пожалуйста, подойти сюда, – помахал он мне рукой.

Я спрыгнула со сцены и только потом сообразила, что ступеньки тут вряд ли просто для красоты. Сюзи прокомментировала это раздражённым фырканьем. Кореец усмехнулся.

– Держи, – мужчина в очках поднялся из-за стола и протянул мне пластиковую карточку на толстом атласном шнурке.

– Что это? – осторожно приняла, чувствуя, как трясутся поджилки.

– Билет в Диснейленд! – звонко хихикнула Сюзи. – Ну и забавная ты, девочка!

– Путёвка во второй тур, – улыбнулся мне дядечка в очках.

Я несколько раз усиленно моргнула, глядя на большую пластиковую карточку с вписанным в графу «Участник», моим именем.

– Покажешь ассистентам в боковой комнате, они проведут тебя до автобуса, в случае если негде остановиться. Ты ведь из Нью-Йорка.

Это не было вопросом, но я всё равно кивнула, глядя в тёплые карие глаза дядечки за толстыми стёклышками оч-

ков.

– Ну, чего стоишь? Иди, – он кивнул на дверь.

– Ох, это ж ещё не все... – утомлённо простонала Сюзи, завязывая разговор с корейцем.

Я спиной попятилась к выходу, всё ещё не в силах выдать из себя ни слова.

Это что же получается? Я прошла? Прошла отборочный тур, что ли?!

– Добро пожаловать в «Рок без границ»! – бросил мне напоследок дядечка в очках и присоединился к беседе с коллегами.

А я, с трудом сдерживая крик безудержной радости, рвущийся из груди, пулей вылетела из зала.

В ушах бурлила кровь. Коленки дрожали. Дыхание стало ещё более тяжёлым, чем после исполнения песни. И хотелось смеяться! Смеяться во весь голос! Вот он, шанс – я ухватила его за хвост!

Я действительно прошла! Поверить не могу...

Я! Прошла!

Вот у Грейс челюсть отвиснет!

– Дядечка в очках сказал показать это, – пропыхтела я, демонстрируя ассистентке пропуск.

Девушка широко улыбнулась, удивлённо вскинув брови:

– Дядечка в очках?

Я вроде бы кивнула, а вроде бы нет. Улыбалась во весь рот – это точно, а ещё коленки до сих пор дрожали.

«Всё. Отборочный тур закончился! Можно расслабиться, Тейт! Можно подумать о проблемах завтра! А сегодня наконец-таки выспаться! Я ведь смогу выспаться?..»

– Тейт Миллер, – прочитала ассистентка в моём пропуске, – вообще-то этот дядечка в очках, – понизила голос до шепота, – не кто иной, как сам директор Victory Records.

Мои брови резко вздёрнулись. Картинка перед глазами наконец перестала плавать, а мозги, позабыв об эйфории, встали на место.

– Да не удивляйся так! – усмехнулась девушка, подталкивая меня к выходу из гримёрки. – Никто не знал, что он решит присутствовать на самом первом прослушивании. Вот так сюрприз был!

Ассистентка ещё раз взглянула в мой пропуск, пробубнила наверняка заученные слова поздравления, которых я и вовсе не расслышала, и жестом велела прихватить вещи со стула.

«Ох, Гибсон, прости»!

Тут же подхватила гитару и сумку.

– До второго отборочного неделя, – говорила девушка, сопровождая меня к автобусу. – После чего круг претендентов сузится в несколько раз. Всё это время участников будут снимать для шоу, устраивать ознакомительные интервью и прочее. В ближайшие дни тебе всё разъяснят, главное держи пропуск при себе. Даже в душ с ним ходи. Семь дней претенденты будут жить в одном отеле, в трёх-четырёхместных но-

мерах. Если есть где остановиться, придётся ездить в отель к восьми утра на съёмки. День пропуска и вылетаешь из шоу. – Девушка вопросительно уставилась мне в лицо. – Тебе ведь негде остановиться?..

Я помотала головой.

– Хорошо, – ассистентка кивнула, – значит, жить будешь в отеле. Большинство прошедших отборочный тур – приезжие, но это не говорит о том, что все лапочки и душки. Конкуренция будет та ещё! Так что держи ухо востро. И тщательно готовься ко второму туру, вот там-то и развернётся настоящая борьба! Тем более с такими-то популярными судьями.

– Чего?..

Мы замерли у дверей в заполненный участниками автобус с логотипом «Рок без границ» по всему боку кузова.

Девушка улыбнулась, хлопнула меня по плечу, пожелала удачи и, велев тщательно просмотреть пропуск на наличие информации, засеменила прочь.

Я тут же вперилась широко распахнутыми глазами в пластиковую карточку с моим именем. В самом низу крохотным серебристым шрифтом под прочей ознакомительной для участников информацией надпись: «Приглашённые судьи на второй и последующие туры шоу «Рок без границ» – все-ми любимая и самая популярная рок-группа уходящего года «Far-between»!

Мать честная...

Руки невольно опустились, спина прильнула к прохладному кузову автобуса, взгляд уставился на усыпанное звёздами небо Лос-Анджелеса.

«Да уж, Тейт. Кажется, для тебя этот тур был первым и последним».

ГЛАВА 4

Отель «La Quinta», три звезды, четвёртый этаж, маленький трёхместный номер. И отличнейшая мягкая кровать! Что ещё для счастья надо?

Заселились почти за полночь и весьма большая группа уже официальных участников шоу «Рок без границ», вместо того чтобы разойтись по номерам и как следует отдохнуть после тяжёлого дня, отправилась праздновать. Ночной Лос-Анджелес прямо-таки манил огнями! Всех, но не меня.

Я побрела спать, потому что двух бессонных ночей мне не пережить, даже несмотря на то, что завтрашний день был объявлен выходным в силу второго этапа отборочного тура.

Спать. Спать. Спать.

Однако покорять ночной город Ангелов отправилась лишь одна моя соседка по номеру, с ней я даже познакомиться не успела. Зато вторая оказалась на месте. С наушниками в ушах, распластавшаяся на самой дальней от двери кровати.

Я намеренно пыталась шуметь, но темнокожая девушка даже веки не потрудилась открыть. И кто я такая, чтобы мешать ей наслаждаться музыкой и лезть со своим знакомством?

Поставила Гибсон в дальний угол, сумку кинула рядом и, не переодеваясь, плюхнулась на кровать. Ну нет у меня сил,

чтобы тащиться в душ и облачаться в пижаму. Даже зубы почистить сейчас не так важно, как целиком и полностью подарить себя царству сна.

Потому что там не будет раздражённой физиономии блондинки с прослушивания. И не будет разгневанного лица Грейс, которое так и стоит перед глазами, из-за того, что я просто не смогла ей позвонить. И не будет идиота, лишившего меня единственного средства связи... Не будет ведь?.. С какой стати?! Перенесём нашу встречу на неделю позже, а пока что избавьте меня от его надменной рожи хотя бы во сне. Уверена, в следующий тур мне ни за что не попасть, тогда и стану законченной скрягой и потребую у этого Шейна отдать мне долг в виде нового телефона. Ладно. Согласна – глупая идея... Кажется, здравый смысл исчерпал свой лимит на сегодня.

Уткнулась лицом в мягкую подушку.

И с какой стати эти Far-between вообще будут судьями?

С какой-какой? Ясное дело – рейтинги ещё никто не отменял! «Рок без границ» за счёт одних только судей наберёт себе миллионную аудиторию. Нет, ну какие из этих сопляков судьи?!

Резко села в кровати, прожигая гневным взглядом деревянную дверь.

Вот из-за кого вся удача ускользает из рук!

Сколько им? Восемнадцать? Двадцать? Ну ладно – двадцать три, двадцать четыре? Что это ещё за гуру рока? Что

они вообще в этом понимают? Как будут судить? По каким критериям?

Чёрт. Мне срочно нужен Интернет! Как я вообще могла стать единственным в мире человеком, который никогда не слышал о самой популярной рок-группе уходящего года? И кто вообще так решил? Где написано, что они самые популярные? Что за попсу вообще играют?!

Плюхнулась обратно на подушку. Теперь взгляд сверлил потолок.

Кажется, я спать собиралась.

Завтра же найду интернет-кафе!

* * *

Найти интернет-кафе для того, кто первый раз приехал в Лос-Анджелес, да и плюс ко всему с детства страдает топографическим кретинизмом, ну просто непосильная задача! Нет, отель располагал своим Wi-Fi, но мне просто было стыдно признаться администратору в том, что среди моего скудного имущества не найдётся гаджета, способного пропустить меня в сеть. Ноутбук с собой не брала – лишняя ноша была ни к чему. Теперь, конечно же, жалею.

Интернет-кафе всё же нашла, за углом соседнего квартала, предварительно пройдя мимо входа дважды.

На часах почти три часа дня – спала я долго. И, когда проснулась, никого из соседок в номере уже не было... а мо-

жет быть – ещё. К шести нужно вернуться в отель на общее собрание, где первой партии, прошедшей во второй тур, будут даны дальнейшие указания. Оказывается, из-за большого числа участников (сегодня вечером, по всем прогнозам, прибудет ещё около сотни), отсев начнётся уже через несколько дней. Всех поделят на группы и распределят по дням недели, а дальше... а дальше – узнаю на собрании. Из сплетен за очень-очень поздним для всех завтраком (завтрак в общем зале, кстати, тоже оплачивает Victory Records), толком понять ничего не удалось. Из всей услышанной информации предельно ясно дошли две вещи: явиться надо к шести, и нас будут снимать.

И это жители Голливуда называют выходным?

Грейс была в сети. Поспешила напечатать коротенькое извинение с оправданиями насчёт того, что один придурок растоптал в аэропорту мой мобильный, на что в ответ получила два слова «В курсе» и две прикреплённых к сообщению фотографии: на одной я вдавливаю в пол вокалиста самой «крутой» группы этого года, а на второй этот грёбанный вокалист превращает мой мобильный в воспоминания.

«Детка, ты стала популярна ещё до прослушивания! Фанаты проклинают тебя, как самого дьявола!»

«Грейс, кто вообще этот отморозок?»

«Эй-эй, потише. Проверь, нет ли кого за спиной. Если увидят, тебе конец, поверь на слово».

Чёрт. Я и вправду обернулась.

«Тейт, ты из какой глуши приехала? Это – *Far-between*! Там все просто секси! Особенно Шейн!»

Ше-е-ейн...

От одного только имени передёрнуло!

Ладно. От Грейс мало толку. Написала, что прошла в следующий тур, что при первой же возможности наберу, и вышла из сети.

Ну, Гугл мне в помощь.

«Far-between – интернациональная рок-группа, сформированная в 2013 году в составе пяти участников, в Сеуле (Южная Корея), под лейблом R.Q. Entertainment. Официальный дебют состоялся 5 апреля 2013 года. Ещё до дебютного промоушена ребята обзавелись армией поклонниц благодаря нестандартной по корейским меркам, внешности. Far-between одна из первых азиатских групп, где четверо из пяти участников относятся к другой национальности: двое американцев, австралиец и немец. Все ребята свободно говорят как на корейском, так и на английском языках.

С момента дебюта группа получила многочисленные награды и признание музыкальных критиков. Большая часть из существующих композиций стали хитами, многие из которых были написаны самими же участниками группы. Уже спустя год успешного существования Far-between –

как это и было запланировано агентством, – отправилась покорять Европу; популярность и здесь не заставила себя ждать! Только ленивый или ничего не смыслящий в рок-музыке человек не слышал об этих безумно талантливых парнях, прошедших в своё время жесточайший конкурсный отбор. Ходили слухи, что их выбрали из нескольких тысяч претендентов!»

«Прощай Википедия». Нажала на крестик.

Откинулась на спинку стула.

Я. Ленивый и ничего не смыслящий в рок-музыке человек. Точка.

Теперь хотя бы ясно, с какой такой радости их сделали судьями. FB принадлежит R.Q. Entertainment, и этот лейбл взялся за активное сотрудничество с нашим Victory Records. Интересно, что за новую группу они планируют выпустить? Нечто на подобие FB? Женский вариант, или смешанный?.. Ведь парней, прошедших первый отбор, тоже хватает.

А ещё теперь понятно, на что я подписалась, – на исключительно коммерческий проект. А чего хотела? Разве не знала, на что иду? Деньги? Да, деньги не помешают. Но музыка важнее. Впрочем, две эти вещи вполне совместимы и не настолько всё плохо, чтобы думать над этим прямо сейчас. Да ещё и не факт, что вообще попаду в финал...

Хм, после того как налетела и назвала говнюком + недоумком одного из судей?.. Это вряд ли.

В шесть часов вечера в большом зале отеля собрались все конкурсанты. Первые отборочные туры проходили не только в Лос-Анджелесе, но и на всём калифорнийском побережье в течение месяца, просто их не настолько афишировали. Итого набралось около двух сотен участников, плюс сегодня вечером прибудет ещё партия с заключительного отборочного тура. В общем, нехило так выходит.

Некоторые так и не явились в зал отеля – видимо, отходят от бурной ночи и, скорее всего, даже не подозревают, что из конкурса их уже исключили.

Так я и думала – это была первая проверка.

– Ответственность, ответственность и ещё раз ответственность! – вещал с небольшой сцены главный куратор конкурса. Представился он мистером Вонгом. Высокий такой художавый мужчина с идеальной причёской а-ля Элвис Пресли и начищенными до зеркального блеска туфлями.

Этот-то чудаковатый мужичок, сверкая отбеленными зубами, и сообщил, что к двадцатому числу количество участников сократится минимум наполовину! И для того, чтобы пройти в следующий тур, всем нам надо хорошенько потрудиться, поработать над собой и над песней, с которой предстоит выйти на суд многоуважаемых FB.

К слову, при упоминании «красавчиков» большая часть женской аудитории завизжала примерно так же, как разукрашенные школьницы в аэропорту.

Потупив взгляд, уставилась в пол. Надеюсь, среди них нет

законченных фанаток, штурмующих просторы Интернета, следящих за выходом каждой новой фотографии своих обожаемых идолов. Иначе меня прикончат ещё до начала второго тура.

Получив распределение в группу, для которой участие в следующем этапе конкурса случится в среду, поскорее выпорхнула за двери, пока и до меня пухленькая ведущая с красным каре не добралась за положенным интервью.

Вечер наступил быстро. Сегодня моя темнокожая соседка по номеру легла спать, едва солнце опустилось за горизонт, так что я даже не пыталась выйти на разговор. Я не навязчивый человек и навязчивых не люблю. Не хочет общаться – всего хорошего. Притворимся, будто не замечаем друг друга.

Третья соседка так и не появилась. Не уверена, что она вообще у нас есть.

Взяв гитару, уселась в кресло. Гибсон отозвался приятным покалыванием на кончиках пальцев. Репетиционный зал пообещали открыть завтра, но я просто не могла лишиться себя удовольствия перед сном пробежаться по струнам.

Лёгким перебором сыграла пару песен, напевая мотив про себя.

– Эй! Я вообще-то здесь спать пытаюсь! – внезапно заорала моя соседка, резко отбросив одеяло в стену.

От неожиданности я дёрнула струны с такой силой, что одна из них взвизгнула и порвалась ровно посередине.

– Твою мать! – я вскочила с кресла.

– Прости, что?! – оскорблённо взвизгнула девушка.

– Я не тебе! – раздражённо фыркнула я, копаясь в сумке и молясь о том, чтобы запасной комплект струн оказался здесь, а не на полочке в Нью-Йорке.

– Чью ты там мать упомянула?! – Так, кажется, соседка оскорбилась больше, чем следовало, раз даже ноги с кровати удосужилась свесить – недобрый знак.

Вот тебе и перебросились первой парочкой фраз.

Борясь с раздражением, твёрдо посмотрела ей в лицо:

– Ты спать хотела? Спокойной ночи! С порванными струнами я тебе больше не помешаю! Чтоб тебя...

В сумке струн не оказалось.

* * *

Сегодня в Лос-Анджелесе ещё теплее. Жары не было, но солнышко приятным теплом растекалось по телу. Тонкий красный свитер с рисунком большой оленьей упряжки на груди стал отличным выбором. Впрочем, выбор у меня не особо большой. Почти все шмотки остались в Нью-Йорке.

Вчерашний разговор с соседкой по номеру закончился взаимным посылом, так что имени её я так и не узнала. Зато несколько раз за вечер пересчитала наличку, словно от этого она может увеличиться. А всё потому, что качественный набор струн для моего Гибсона выльется в приличную сумму. И если в среду придётся покупать билет на самолёт до Нью-

Йорка, а его точно придётся покупать, стоит отложить запланированную покупку нового мобильного до лучших времён. Ведь мне ещё и Грейс долг отдавать, и арендную плату никто ждать не будет, а зарплаты в этом месяце ещё не было. Даже не уверена, что меня ещё не уволили, после того как взятый на два дня отгул сегодня закончился.

Администратор отеля вежливо объяснил, где найти ближайший музыкальный магазинчик, и вот я здесь – на его пороге.

Несколько рядов высоких стеллажей с дисками и старыми пластинками по правую руку, всё остальное пространство занимают музыкальные инструменты и всевозможные к ним примочки.

От количества электрогитар на стенах разбегались глаза. Мой Гибсон был ничем не хуже большинства из них, но поймите, для меня музыкальный магазин – это как для заядлой модницы распродажа брендовой обуви. Я могу торчать тут часами, особенно в тех магазинах, где инструменты можно снимать со стендов и «примерять» на себя, слушать звучание, при этом даже подключая к усилителю... И никто и слова тебе не скажет, что ты слишком долго здесь засиживаешься!

В Нью-Йорке много таких отличных магазинов.

Да-а... Я бы жила в них. Не ела и не спала. Лишь играла...

Только сейчас время не позволяет. К часу дня нужно явиться в репетиционный зал, где продолжатся съёмки шоу

и где всем предстоит определиться с выбором песни для второго тура.

Лысый продавец сурового вида, в обтягивающей кожаной жилетке и с по локоть забитыми татуировками руками, невероятно любезно порекомендовал мне комплект струн для Гибсона и даже предложил свою помощь по установке, так как инструмент у меня был с собой. Но я никому не доверяю гитару – простите, слишком ею дорожу. Так что ответила продавцу самой благодарной улыбкой, на какую была способна, и с его позволения устроилась в дальнем углу магазина, чтобы закончить работу со струнами на месте и отправиться на первую репетицию (или что там будет в рамках шоу) полностью подготовленной.

Перетягивать струны я тоже люблю. Да я вообще всё люблю, что касается манипуляций с гитарой.

Ловкие пальцы действовали быстро, но аккуратно. Подпевая мотивчику известной песни из репертуара U2, негромко играющей в магазине, отметила, что, несмотря на денежные траты, настроение растёт.

Только вдруг стало как-то не по себе. Жгучее покалывание в области затылка сообщало о том, что кто-то уже не первую минуту сверлит его настойчивым взглядом. Обычно я хорошо чувствую такие вещи. Чутьё и в этот раз не подвело.

Обернулась. Первое, что бросилось в глаза в общем силуэте незнакомца, – белоснежная улыбка с идеально ров-

ным рядом зубов, и небольшие ямочки на щеках. И что-то в ней было... Что-то чертовски знакомое. Разглядеть остальное лицо возможности не было никакой: широкие чёрные очки скрывали не только глаза, но и брови целиком. Серая вязаная шапочка опущена до середины лба, а поверх ещё чёрный капюшон от толстовки натянут, так что на оставшиеся открытые участки лица падали тени.

Джинсы с рваными коленями, высокие ботинки на толстой подошве, футляр от гитары на правом плече...

Кто это такой? И почему до сих пор так странно улыбается? Маньяк?..

Поднялась на ноги, глядя на незнакомца с вызовом. В этот-то момент и заметила чёрные языки пламени, словно послушные змеи, плавно извивающиеся по мере движения кадыка.

ГЛАВА 5

Ну вот. Приплыли.

– Привет, – улыбался шатен. Голос низкий и бархатный.

Я даже имени его не знаю. Рок-группа уходящего года, чтоб её... Вот я лузер!

А уже послезавтра этот красавчик будет судить моё умение играть на гитаре и возможности голосовых связок.

– П-привет, – сипло отозвалась я, пребывая в жёстком напряжении.

Как он мог узнать меня? Или не узнал... Что ему надо?

Невидимые тараканы разбегались по мозгу, блокируя все источники здравых мыслей.

Шатен сделал шаг вперёд, оказавшись на той же широкой ступени, что и я. Тонкий приятный аромат парфюма долетел до носа.

Руки в карманах и эта дьявольская и до безумия притягательная улыбка самого божества.

«Пошли вон, тараканы! Прочь из моей головы!»

С трудом сдержалась, чтобы не помотать шевелюрой!

– Девушка из аэропорта? Не ошибся? – улыбался шатен.

Почесала нос. Зачем почесала? Разве он чесался?!

– Эм... ну, – выдавила улыбку, – если имеешь в виду ту сумасшедшую, вдавившую в пол всемирно известного недо-

умка, то думаю – она самая.

Ну вот, опять я себе могилу рою.

– Ну да, а потом он сломал твой телефон.

– Сломал? – усмехнулась я. – Это как-то слабо сказано. Скорее – растоптал на атомы! Уничтожил вдребезги! Раздавил, как назойливого таракашку!

Понятия не имею, как это возможно, но улыбка парня стала ещё шире. Он повернулся к залу спиной и снял очки.

И вот эти пронзительно серые глаза вонзились, как острые кинжалы, в самое сердце.

«Не теряй самообладания, Тейт, ну что ты за тряпка? С каких пор так реагируешь на малознакомых мужчин?»

– Прости... конспирация и так далее, – улыбался шатен, сверкая глазами. – Когда выходим без разрешения, нужно быть незаметными.

«Ну да, с таким-то силуэтом и улыбкой Бога так легко оставаться незаметным».

– Видела ваших поклонниц. Я б тоже от таких пряталась.

Парень усмехнулся:

– Не все так плохи.

Неловкая пауза.

Осознала, что нервно кусаю губы.

«Чёрт, Тейт, да это вообще не ты!»

– Так значит, ты без разрешения ушёл?

Шатен негромко откашлялся, отведя взгляд в сторону, и коротко помотал головой:

– Полчаса перед репетицией оказались свободными. Решил, чего зря пропадать времени? Я всего во второй раз в Лос-Анджелесе.

– Я – первый, – промямлила, теребя пальцами край кофты.

Взгляд шатена упал мне на живот:

– Оленья упряжка? Крутой свитер.

– Спасибо.

Он ведь серьёзно?

Чёрт. Эти полупрозрачные глаза похуже всяких невидимых тараканов! Они вообще все слова из головы вытряхивают!

Шатен низко усмехнулся:

– Не думал, что встречу тебя в Лос-Анджелесе.

Застыла на полувыдохе. Почему он вообще над этим думал?

– Кaleb, – парень протянул мне руку, по костяшкам пальцев которой скользили тёмно-красные языки пламени от тату. В аэропорту их даже не заметила.

– Тейт, – слегка расслабилась и на этот раз без колебаний ответила на рукопожатие.

Улыбка Калеба стала каверзной, приподнимающей лишь один уголок рта, голова слегка склонилась набок, глаза буравили насквозь:

– Ты не знала, – и это было утверждением.

Руку мою он так и не отпускал, да я не возражала, впро-

чем. Его ладонь была тёплой и сухой.

– Что не знала?

– Моё имя.

– Угадал.

В этот раз его яркие губы растянулись в неподдельной детской улыбочке. Улыбке, полной некоего восторга, которому я никак не могла дать определение.

Он опустил руку, сделал шаг в сторону и провёл кончиками пальцев по грифу моего Гибсона. И знаете что, меня это даже не возмутило! Хотя даже не помню, кому в последний раз разрешала вот так запросто трогать мою «крошку».

– Хороший инструмент.

– Знаю. Спасибо.

Калёб выпрямился и больше не улыбался. Взгляд стал чересчур пристальным, изучающим:

– Так это твоя? Ты не работаешь здесь?

Я усмехнулась:

– А ты решил, что я здесь работаю?

Новая улыбочка растянулась на идеальных губах, словно само солнце вышло из-за грозовых туч:

– Было очень похоже.

Я дёрнула плечами, сцепив пальцы в замок перед собой:

– Просто струны пришла поменять.

Калёб бросил ещё один взгляд на гитару, и мне так понравилось, как он на неё смотрит, что следующая его фраза долетела до сознания только спустя полминуты.

– Тейт? – усмехнувшись, позвал он, пронзительно глядя из-под бровей.

– Да-да, я... – неловко почесала затылок. – Не выпалась. Враньё!

– Так что ты там говорил? – улыбнулась.

Ещё один смешок Калеба, и если он продолжит в том же духе, то я отказываюсь дальше вести диалог.

– Пластинки, – он пожал плечами и кивнул в сторону. – Коллекционирую старые пластинки. Пришёл посмотреть, что тут есть. Раз уж мы надолго зависли в этом городе, глупо упускать возможность.

Для чего и с какого такого перепуга мой взгляд стал вопросительным? Разумеется, Калёб сразу на него ответил:

– FB участвует в шоу по поиску талантов. Агентство почти все запланированные выступления перед Рождеством отменило, так что... надолго мы здесь. Я уже даже забыл, когда в последний раз мы задерживались где-нибудь больше чем на неделю. Скоро начнётся второй тур и... в общем, работы по горло.

Судя по виду, Калеба совершенно не радовала данная перспектива, как и роль судьи на музыкальном шоу.

С пониманием закивала.

– А ты здесь...

– По делам, – мигом отозвалась я.

«И что ты только что сказала? А ничего, что в среду ты предстанешь перед этим парнем с гитарой в руках, и от него,

в том числе, зависит, как скоро придётся покупать билет на самолёт?!»

– Видимо, очень важным, – Кaleb кивнул на мой Гибсон, – делаю.

Опупеть можно по каким важным...

– Не то что бы... – Честно! Я уже собиралась назвать истинную причину, как Кaleb перекинул ремень от гитары через плечо и плавным перебором пробежался по струнам.

Я зависла.

Ой, как Гибсон чертовски шёл этому парню. Я бы даже сказала – идеальное сочетание. И такое сексуальное... Даже сфотографировать захотелось, поставить в рамочку и каждый раз перед сном... Стоп. Меня несёт.

– Сыграешь? – Кaleb протянул Гибсона мне. Пристальный взгляд серых глаз ни на секунду не отрывался от моего лица.

– Я? Шутишь, что ли? – приняла гитару и опустила вниз. – Хочешь на меня весь свой получасовой перерыв потратить?

Кaleb запустил руки в карманы толстовки и пожал плечами:

– Почему бы и нет?

Улыбаюсь, как идиотка.

– Не-ет, – с тихой усмешкой отвела взгляд в сторону. Надеюсь, щёки не додумаются вспыхнуть. – Может, ты? – кивнула на футляр за его спиной. – Что там у тебя?

– Ничего особенного.

– Охотно верю! – рассмеялась я, – Давай, колись!

Если этот парень даже во сне улыбается, клянусь, я ни капли не удивлюсь!

– Carven boltplus, – словно это не одна из самых шикарных электрогитар в мире, небрежно ответил Калёб.

Тихонько присвистнула:

– Их ведь делают под заказ... – Даже думать не хочу, как сейчас выглядит моё лицо.

– Так и есть, – пожал плечами Калёб, вроде: «Да какая разница? И ну и что, что это произведение искусства стоит бешеных денег».

Я сверлила взглядом футляр.

«Прости, Гибсон, но перед этой малышкой мы в пролёте».

– Так что? – Я прямо-таки загорелась в нетерпении. – Сыграешь?

Калёб рассмеялся. О, Боже, какой потрясающий смех у этого парня.

– Ты хочешь увидеть гитару или меня в деле?

Точно. Я даже песен их не слышала, что там говорить про выступления...

– И на какой роли ты в группе? – решила реабилитироваться. Наконец, говорить стало проще.

И снова эта восторженная улыбка наивного ребёнка и блестящий пронзительный взгляд. Что это значит?

Калёб облизал губы, видимо, с большим трудом заставляя себя не улыбаться. Татуировки на шее плавно извивались,

что постоянно приковывало к ним взгляд.

– Соло-гитара, бэк-вокал. – И опять прозвучало так, словно и нет в этом ничего значимого. Словно поинтересовалась у продавца, почём нынче авокадо.

– Ты правда нас не слышала?

– Я впервые вас увидела... в аэропорту.

– Нет, я имею в виду музыку?

Хмыкнув, скрестила руки на груди:

– А вы в Нью-Йорке точно популярны?

– Сомневаюсь, что тебе будет интересно слышать цифры.

– Цифры?..

Судя по всему, Калеб слегка смутился, так как на несколько секунд отвёл взгляд в сторону:

– Количество зарегистрированных фанатов.

– Ох, твою ж ты ма... – прикусила губу. – Упс, прости.

Брови Калеба на мгновение вздёрнулись, лицо засветилось в искреннем удивлении. А потом он громко рассмеялся. Я тоже не смогла сдержать улыбки.

– Так... на чём мы там... – пнула носком кеда угол мягкого пуфика.

– На музыке.

От проникновенного взгляда этого парня невозможно было отвести глаз. Словно первый весенний ветерок обдувал лицо, вызывая необъяснимые эмоции чего-то забытого, чего-то... по чему долго скучала.

– Когда-нибудь я тебе сыграю, – тихий шёпот слетел с губ

Калеба, превратился в электрический заряд и ударил куда-то в область моего сердца, заставив его понестись галопом.

– Звучит как обещание.

– Я не даю обещаний. – И что-то грустное мелькнуло в глазах любимца миллионов. – Просто... что-то подсказывает, что это наша не последняя встреча.

«О, ты даже не представляешь насколько прав, парень!»

Но шанс признаться в этом снова упорхнул, и новый голос, прозвучавший позади меня в следующую секунду, заставил трепещущее сердце покрыться корочкой льда и рухнуть куда-то в самые пятки. Даже кожа отреагировала резким покалыванием – организм выпускал шипы.

– Слушай, чувак! Ты почему мобильный не берёшь?! – О да, он самый – голос придурка Шейна!

Ноги приросли к полу, тело буквально задеревенело, щеки наверняка покрылись красными пятнами, взгляд застыл где-то в области ботинок Калеба. И откуда-то взялась невероятная злость! Всё тело неосознанно реагировало на придурка Шейна именно таким образом! А потому что не надо было строить из себя надменную скотину и давить мой телефон напоказ всему миру!

Кажется, Санта совсем, совсем-совсем меня любит, раз организовал нашу встречу даже раньше среды! Надо было надеть шапку и спрятать волосы. Да и вообще замаскироваться. Ну же, тараканы в голове, толкните хоть одну умную мысль! Как выбраться отсюда, не вцепившись ему в глотку?!

Думаете, Шейн меня не узнает?! О, нет! Самовлюблённые недоумки вроде него не забывают подобных случаев! Как я его там напоследок обозвала? Не говнюком, случайно?

Вот чёрт!

Нет, ну почему кумиры миллионов решили посетить этот древний магазин в глуши Лос-Анджелеса именно сегодня?! Именно в ту минуту, когда я, никого не трогая, меняла струны своему любимому Гибсону?!

Ну почему со мной так всегда?!

Может, меня проклинали по фотографии?!

– Кaleb! – Шейн остановился позади меня и я всем телом ощущала его взгляд на затылке. Говорила ведь, что хорошо чувствую такие вещи. – Какого дьявола я должен за тобой сюда тащиться? Порылся в своём хламе? Давай, пошли.

Кажется, я забыла, как дышать. И самое ужасное в том, что Кaleb прекрасно видит моё состояние! Не от этого ли его густые брови сейчас так хмурятся?

«Нет, пожалуйста, не привлекай ко мне внимание!»

– Что у тебя там? – голос Шейна прозвучал заинтересованно, а «что», я так полагаю – это меня он так ласково обозвал.

«Дыши, Тейт, дыши. Это не самая патовая ситуация в твоей жизни! Самое ужасное случится в среду!»

– Пошли, – Кaleb спустился со ступени, и я услышала его отдаляющиеся шаги.

«Вот уж спасибо!»

Тихонько выдохнула...

– Я буду часто заходить сюда! – громко выкрикнул Калёб.

– Подожди, куда ты меня тащишь? Дай посмотреть, с кем ты тут развлекаешься во время перерыва.

– Пошли, Шейн, нет времени!

– Да подожди ты!

И тело вновь натянулось, как струна. С трудом сглотнула, потому что слышала, как они приближаются.

– Калёб, я тебя знаю! – гремел Шейн своим низким хрипловатым голосом. – Ты не снимаешь очки перед кем-то левым. Значит, этот кто-то заслужил твоё внимание! Она красотка, да? Фигурка ничего так...

Чтоб тебя...

– Шейн!

– Не будь придурком, Калёб! – Шейн фыркнул и громко усмехнулся. – Ты ведь не думал, что я могу пропустить такое грандиозное событие? Ты и какая-то девчонка... музыкальный магазин, приглушённый свет. Романтика, охренеть!

Ладно, к чёрту. Я круто развернулась, скрестила руки на груди и уставилась равнодушным взглядом в лицо недоумка.

Шейн оказался очень близко, даже слишком... Буквально в метре от меня. Чёрные глазищи самого дьявола застыли. Пухлые губы приоткрылись, заставив гладковыбритую челюсть слегка отвиснуть. Тень от козырька кепки с белой надписью «Hollywood» падала на глаза, что, как и в прошлый раз, делало их ещё более опасными. Теперь-то я потрудились

заметить несколько прядей серебристых волос. А металла ушах заметно поубавилось. Красотка забыла надеть свои побрякушки?

А ещё у этого мачо-мена до сумасшествия бледная кожа, но не сказала бы, что ему это не идёт. Впрочем, Грейс не соврала, когда назвала его секси, или как-то так. Чёрные глаза и яркие губы на бледном фоне очень этому способствовали. Неспроста ведь миллионы девчонок сопли на кулак наматывают от одного только его фото.

Я. Никогда не буду. Даю слово.

И вот Шейн ожил.

Тихий смешок. Ещё один. Ещё. И ещё. Густой громкий смех заполнил весь зал музыкального магазина так, что несколько посетителей и продавец в том числе озадаченно обернулись.

Этого кретина конспирация, судя по всему, вообще не заботит.

Ах да, любитель поработать на камеру!

С видом недоумевающего идиота ткнул в меня пальцем и повернулся к согруппнику:

– Калёб, ты серьёзно?

Калёб приблизился, упёр руки в бока и терпеливо выдохнул.

А Шейн продолжал смеяться, как ошалевший:

– Серьёзно? Где ты откопал эту принцессу?! Тащил в своём багаже с самого Нью-Йорка? – Весёлый взгляд карих

глаз метался от меня к Калербу и обратно. – Нет, объясни! Мне, правда, интересно! Она сталкерша, что ли? Мне позвать охрану?

Калерб резко схватил Шейна за локоть и, рванув на себя, злобно зашипел:

– Мы вроде куда-то опаздывали!

Шейн отшвырнул от себя руку согруппника, продолжая отрывисто посмеиваться.

Вот же ж урод, ещё немного и я даже Гибсона не пожелаю, чтобы съездить ему по морде!

– Да она сталкер, серьёзно! Ты что не видишь? – бросил он Калербу и, прищулив опасные глазёнки, повернулся ко мне: – И в каких странах ты ещё побывала, таскаясь за нами? Тебе нужны проблемы, принцесса? Вообще в курсе, что за такое можно привлечь к ответственности?

– Хватит, Шейн! Ты переходишь границы! – зарычал на него Калерб.

– Границы перешло «ЭТО», – и Шейн снова ткнул в меня пальцем. – Ещё в аэропорту!

Я сощурила глаза.

«ЭТО»?!

Калерб толкнул Шейна в бок и потащил к выходу. Внешне эти двое ничем не уступали друг другу по телосложению, и ростом оба высокие. Отсюда и противостояние... Складывалось ощущение, что соперничество между этими двумя происходит не впервые: один тащит другого к выходу, другой

сопротивляется, и довольно успешно. Может, у них так всегда?

– Она не сталкер! Хватит, Шейн! Ведёшь себя, как крестин!

– Да кем это чучело ещё может быть?!

Ну всё.

– А что если и сталкер?! – выкрикнула я.

Кровь бурлила в ушах. Ногти больно врезались в кожу от того, что я крепко сжимала кулаки.

Но терпение уже лопнуло.

– Что ты сделаешь? – кричала я. – Напишешь заявление в полицию? Сбросишь с моста? Побежишь с жалобами к репортёрам, чтобы стадо твоих фанаток изуродовало меня до неузнаваемости?! – цинично усмехнулась – Что? Что ты сделаешь?

С тяжёлым вздохом Калёб отпустил Шейна, и тот резко приблизился ко мне, источая довольно приятный аромат парфюма. И снова весь в чёрном! И эти опасные дьявольские глаза...

– Эй, принцесса, – с кривой ухмылкой бросил он, – ты хоть в курсе, сколько денег стоило замять тот инцидент в аэропорту?

Плевать на второй тур!

– Эй, недоумок, а ты хоть в курсе, как дорог мне был тот телефон?

Шейн гадко усмехнулся:

– Тот? За пять баксов который?

– Для меня он стоил дороже, чем любой твой орган на чёрном рынке!

До меня донесся сдавленный смешок калеба.

Брови Шейна на миг приподнялись: серебряное колечко послало мне в лицо блик света.

– Ты антифанатка? – спросил он, прищурившись.

Больной помешанный придурок!

– Ещё недавно я была сталкером, – невесело рассмеялась.

– Признаёшь? – резким движением руки Шейн перекинул кепку козырьком назад и теперь его тёмные глаза не казались такими пугающими.

С тихим вздохом спустилась со ступени, оказавшись в полуметре от Шейна. Пришлось гордо задрать голову – парень был намного выше, однако букашкой по сравнению с ним я себя не чувствовала. Смотрела с вызовом и тихо заговорила:

– Знаешь, *Ше-е-ейн*, если бы я и была вашим сталкером, визжала от каждой песни и вся моя комната была увешана плакатами вашей группы, то клянусь, твоё лицо на каждом из них было бы изуродовано в лучших традициях жанра. Ну знаешь там, выколотые глаза, зашитый рот... – Самодовольно улыбнулась, скрестила руки на груди и в ожидании ответа склонила голову набок.

Этот парень ведь не бьёт девчонок?.. Потому что выражение лица такое, будто он вот-вот сорвётся и закатает меня в пол.

Тёмные прищуренные глазищи прожигали насквозь, крепко сжатые челюсти играли желваками, вены на жилистой шее вздулись.

Он точно меня убьёт.

Тихий шёпот слетел с губ Шейна, так что слова могла слышать только я:

– Больше не попадайся мне на глаза.

– Угрожаешь?

– Предупреждаю... Ты никто по сравнению со мной.

– А ты никто для меня, так что плевать я хотела.

Тяжёлая рука Калеба легла на плечо Шейна и потянула его назад.

Напоследок Шейн послал мне гадкую улыбку. Но я выше этого, так что с гордым видом промолчала.

– Ой, только не говори, что сейчас будешь меня отчитывать, папочка! – отдаляясь, фыркнул Шейн.

– И когда ты только стал таким придурком? – Кaleb помотал головой.

Шейн рассмеялся:

– Я всегда им был, приятель!

– Верю.

– Ну, хочешь куплю тебе бургер, чтобы это сиреневое пятно отходов вылетело из твоей головы?

А дальше хлопнула дверь, так что я не слышала, что ответил Кaleb.

Крепко сжала обеими руками гриф Гибсона и перекинула

ремень через плечо, всё это время не сводя уничтожающего взгляда с закрытой двери.

К чёрту! Плевать на это шоу! Плевать на долги и всё остальное! В среду я покажу этому недоумку, чего стоит это сиреневое пятно отходов! В среду будет лучшее выступление в моей жизни!

А потом я с чистой совестью улечу в Нью-Йорк.

ГЛАВА 6

Среда наступила слишком быстро.

До сегодняшнего утра я была абсолютна уверена в том, что готова встретить этот день с высоко поднятой головой. Уверенность была мнимой, так как сдулась я, едва открыв глаза.

Соседки, имени которой я так и не узнала, в комнате уже не было – ушла готовиться. Сегодня нам обеим предстоит пройти второй отборочный тур. Или завалить его – что касается меня.

Часы на стене показывали десять минут восьмого, к одиннадцати всё начнётся. Автобус с третьей группой конкурсантов отчаливает ровно в девять и повезёт нас главному зданию Victory Records. Там-то всё и случится. Я имею в виду: встреча с главными звёздами этого шоу и судьями по совместительству. И что-то подсказывает – ничего хорошего из этого не выйдет. Для меня.

Свесила ноги с кровати и хорошенько потянулась.

Ходят слухи, что за понедельник и вторник из двух групп, в каждой из которых было около пятидесяти участников, в следующий тур прошли всего двадцать. Двадцать человек из ста!

Отбор становится действительно жёстким.

Что, если из сегодняшней группы не пройдёт никто?..

Приняла душ, высушила волосы, слегка подкрасила глаза. На этот раз радужки не казались такими тёмными: благодаря нормальному сну цвет приобрёл оттенок сочной травы – с моими глазами всегда так бывает.

Вывалила на кровать весь имеющийся гардероб. Да уж, выбора никакого.

Напялила старые, но любимые джинсы в обтяжку, чёрную майку с логотипом Н.И.М на груди и плотную рубашку в тёмно-синюю клетку сверху.

Вчера в репетиционной студии, что находится в соседнем от отеля здании, я проторчала до одиннадцати вечера. Разрешили остаться хоть на всю ночь, но что-то подсказывало мне, что это очередная проверка на ответственность. Каким будет конкурсант наутро после бессонной ночи? Правильно – никаким. Да и голосовым связкам нужно было отдохнуть.

Главное здание Victory Records, как и ожидалось, было шикарным по всем параметрам: и снаружи, и внутри. Оформление в чёрно-белом стиле, большие кожаные диваны, глянцевые потолки и множество длинных коридоров.

Все сорок восемь человек из моей группы двигались нелепым гуськом друг за дружкой, в большинстве своём молча. Кто-то пытался вставить пару шуточек, но напряжение ощущалось слишком сильно, чтобы это как-то могло помочь разрядить обстановку. Пока не появилась аккуратненькая пухленькая женщина с красным каре и микрофоном в руках и

не отдала команду всем стать поживее, а то зрители решат, что тут не реалити-шоу снимают, а похоронную процессию.

Представилась Анемоной – для тех, кто не знает. Я знала лишь то, что так называются цветы с красными головками. Что ж, весьма символический псевдоним.

Большой репетиционный зал от пола и до потолка был увешан плакатами с логотипами «Рок без границ» – сплетение микрофона и бас-гитары с летящими в стороны искрами на синем фоне. Столы, заполненные пластиковыми бутылками с водой, несколько рядов мягких кресел и уголок, оборудованный для интервью. Туда и стали вызывать участников по одному, после того как Анемона радостно сообщила, что выход первого выпуска шоу на MTV запланирован на Рождество, то есть на двадцать пятое число. И в реальном времени второй тур уже официально будет закрыт.

Чувствую, в этот раз интервью мне не избежать.

Получила наклейку всё с тем же номером «322», а появилась лишь буква С в конце – обозначение группы конкурсантов. Распаковала Гибсон и ещё несколько раз повторила то, что вскоре придётся сыграть. К усилителям никто не подключался, шум и без того стоял, как на вокзале, так что пришлось воспроизводить звуки в голове.

Первые десять участников уже отсняли интервью и теперь ждали своей очереди, чтобы попасть за двухстворчатые двери из матового стекла – на суд жюри. Глядя на них и сама начала нервничать, фраза: «Всё будет хорошо, ты справишь-

ся, Тейт», уже на автомате звучала в голове, как заезженная пластинка.

Сейчас ещё ногти грызть начну.

Признаться, между мной и остальными конкурсантами было одно большое различие: в основном все нервничали из-за весомого шанса получить отказ и отправиться восвояси, а мои нервы по большей части были вызваны скорой встречей с идолами, о которых ещё недавно я вообще ничего не знала, но в силу каких-то дьявольских обстоятельств, успела познакомиться даже ближе, чем хотелось бы. Да мне вообще ничего подобного не хотелось!

Уверена, любая их фанатка на моём месте подавилась бы слюной зависти и умерла, узнав, что сам Калев подошёл ко мне поздороваться.

Каменное лицо. Главное сделать каменное лицо. Отыграть, как следует, спокойно выслушать вердикт и с гордым видом покинуть помещение. Ну можно ещё средний палец недоумку показать, какая уже будет разница?

Идея показалась такой заманчивой, что не смогла сдержать улыбку.

Взглянув в дальний угол, где царствовала Анемона и её операторы, отправилась в противоположную сторону.

На дальней стене располагалась огромная плазма, звука не было, но яркая картинка так и манила.

Хмыкнула, скрестив руки на груди.

Угадайте с трёх раз, чей клип мелькал на экране?..

Нет, против Калеба я ничего не имею, и против его наикрутейшей гитары ручной сборки насыщенно-синего цвета – в особенности. Но вот его коллега по группе...

Калеба показали крупным планом за стойкой с микрофоном – он пел. Чёрные языки пламени на шее «пели» вместе с ним. Капельки пота скользили по вискам, по скулам и прятались за воротом чёрной рубашки. Аж во рту пересохло, как захотелось услышать звук. Его голос.

Картинка переместилась на главного вокалиста с серыми, как пепел, волосами. В замедленном виде Шейн прыгал со сцены в толпу фанатов. И очень жаль, что они его поймали... А потом показали его лицо крупным планом. Чёрные глаза смотрят в объектив и, на удивление, в них даже нет самодовольства. Взгляд серьёзен, даже немного печален. Пухлые губы приоткрыты, но это не выглядело сексуально... выглядит так, будто он собирается сказать нечто очень важное... И он запел. С тем же выражением лица. Субтитров, конечно же, не было.

Хм, придурок ещё и актёр хороший.

– Тейт Миллер! – громкий голос за спиной заставил подпрыгнуть на месте.

Ассистент в жёлтой футболке и планшетом для заметок в руках сверялся с записями.

– Это вы?

– Да, – кивнула с широко распахнутыми глазами.

– На интервью.

Так и хотелось сообщить, что сегодня я по-любому вылетаю и это интервью мне нафиг не сдалось. Но кто мне поверит, если скажу, что знакома с Шейном из FB и наши с ним недавно зародившиеся отношения находятся на уровне где-то между – «ненависть: гори ты, Шейн, в аду» и «ненависть а-ля: один из нас умрёт от рук другого».

Никто не поверит.

Потащила на интервью.

Кресло, видимо, намеренно выбирали таким жёстким, чтобы участники шоу ёрзали побольше, делясь впечатлениями. Ну, знаете, мандраж, волнение и прочая гадость...

– Привет, – улыбнулась мне Анемона, – отвечаем быстро, почаще улыбаемся и говорим, что думаем. Ну? Раз, два, три... поехали!

В глаза ударил яркий свет.

– Тейт Миллер?

Даже откашляться не успела.

– Да, – выдавила улыбку, глядя на Анемону в соседнем кресле.

– Ну, насколько ты рада, что прошла во второй тур? Было сложно?

С силой проглотила ком в горле, глядя то в камеру, то на ведущую. Да я вообще первый раз занимаюсь чем-то подобным! Интервью для колонки в газете об уличных музыкантах Нью-Йорка не в счёт.

– Я... я... – остановилась взглядом на ведущей, – сначала

была рада, но теперь... не уверена, что чувствую.

– Вот как? – Анемона приподняла брови. – Наверняка, это просто волнение. Кто может быть не рад оказаться в центре такого события? – Звонкий, пронзительный и стопроцентно наигранный смех.

Решила промолчать, приказывая своей физиономии не становиться кислой.

– Скажи, ты уверена в своих силах? – продолжала Анемона с широкой улыбкой на алых устах.

Пожала плечами:

– Уверена.

– Вот это да! – закивала на камеру ведущая. – Запомните все: Тейт Миллер уверена, что пройдёт дальше.

– Я не это сказала.

Анемона вопросительно уставилась на меня.

– Я уверена в себе, а не в том, что пройду дальше, – просто пояснила я.

– Ладно, – кивнула Анемона, видимо, так и не поняв ничего, – опиши тремя словами ощущения от происходящего.

– М-м...

Брови ведущей задёргались – подталкивает.

Тараканы в голове вновь забивали собой дыры, где обитает здравый смысл.

– Необычно, – неожиданно громко заговорила я.

– Та-а-ак.

– Волнительно.

– И?

– Голодно.

– Что-что? – Анемона продолжала улыбаться.

Я тоже улыбнулась:

– Я забыла позавтракать.

– Любишь покушать? – фальшиво рассмеялась ведущая.

– А вы разве нет?

Чёрт. Кто разрешал этим тараканам появляться так не вовремя?!

«Только что обозвала ведущую MTV толстой. Гордись собой, Тейт»!

Анемона продолжала хихикать, цвет щёк уже приравнялся к оттенку волос.

О, Боже... надо поскорее с этим заканчивать.

– Это ведь не прямой эфир? – спросила я. – Можем перенять.

Анемона смолкла. Убрала микрофон в сторону и встала с кресла с тяжёлым вздохом:

– Ты откуда, девочка?

– Из Нью-Йорка.

Оценивающий взгляд скользнул по мне:

– Сколько будет два плюс два?

– Какая разница? – я усмехнулась.

Анемона расплылась в улыбке. На этот раз вполне искренней.

– Нас сейчас записывают? – поинтересовалась я, кивнув

на камеру.

– Тебя это вправду волнует?

Пожала плечами:

– Да не особо.

Анемона присела на край стола и сложила руки на груди.

– Ещё вопрос. Сколько по-твоему во мне лишнего веса?

С вырвавшимся изо рта каркающим звуком я застыла.

Постойте-постойте. Она реально сейчас задала этот вопрос?!

– Ну? – подталкивала Анемона.

Скользнула глазами по фигуре ведущей и пожала плечами:

– Что значит лишний вес? У каждого разное понятие на этот счёт. Может, для вас он не лишний, а тот, что надо... Могу лишь сказать, что до общепринятой худобы вам килограмм десять-двенадцать.

Женщина хитро прищурилась:

– И даже не скажешь, что я отлично выгляжу?

– А надо? – взглянула на камеру. – Меня снимают или нет?

– Отсняли уже, – Анемона в своём коротеньком джинсовом платье поднялась со стола и кивнула в сторону: – Давай, проваливай.

Я медленно встала с кресла.

«Что это вообще только что было»?

– Почти всё дерьмо, что мы сегодня тут снимаем, сольётся в толчок, – произнесла Анемона, поправляя макияж перед

круглым настенным зеркалом. — Не вижу смысла тратить на тебя время сейчас, лучше иди, готовься... Тейт, или как там тебя.

— В каком смысле: тратить сейчас?

Глаза в отражении ведущей остановились на моём лице:

— Им нужна такая, как ты. Уверена, мы ещё не один раз пообщаемся.

Я иронично фыркнула:

— Такая, как я?

— Та, кто говорит по существу и не лицемерит.

* * *

Перед стеклянной дверью я успела оказаться до объявленного перерыва.

Теперь вот белое матовое стекло мутно отражало меня в полный рост и заставляло жутко нервничать. Даже не помню, когда в последний раз чувствовала нечто подобное. И самое ужасное то, что даже не удаётся определить природу этих ощущений!

«Прослушивание, Тейт, это ведь прослушивание! И нервничаешь ты, разумеется, только из-за того, что можешь облажаться с песней, всего-то!»

Чёрт.

Вот влипла.

Из стеклянных дверей вылетела моя соседка по номеру.

Не сказала бы, что вид у неё счастливый, но и огорчённой, как большинство участников до неё, девушка тоже не выглядела.

– Ну что?!

– Прошла?! – тут же налетели на неё ожидающие своей очереди.

– Прошла. – И я впервые увидела её белозубую улыбку.

Девушка остановилась передо мной.

– Поздравляю, – буркнула я.

– Спасибо, – слегка неловко отозвалась та и спустя несколько многозначительных секунд добавила: – Они засаживают. Очень жестко. Судьи. Так что... в общем, не обращай внимания на камеру и просто отвечай на вопросы, если будут задавать, и спрячь шипы подальше.

Она дёрнула бровями и прошествовала мимо.

Я обернулась ей вслед:

– А мы значит, уже разговариваем, да?

Соседка ответила улыбкой и на этот раз вполне доброжелательной.

– Номер «322», заходите, – позвал меня ассистент.

Медленно выдохнула через рот, закинула гитару на плечо и, собравшись с духом, попрощалась со своим мутным отражением в стекле и переступила дверной порог.

«Представь, что ты их не знаешь, Тейт, представь, что этот недоумевающий взгляд чёрных, как ночь, убийственных глаз принадлежит не Шейну – лидеру лучшей рок-группы уходя-

щего года, а кому-нибудь вроде Грейс, для которой ты играла не один десяток раз... Это ведь так просто»...

Ни черта это не просто.

И никого другого представить так и не получилось.

Эти глаза самого дьявола, явившегося по мою душу, прожигали насквозь.

ГЛАВА 7

Две секунды.

Прошло две секунды, прежде чем присутствующие в небольшом помещении, где проходило прослушивание, замолчали, и взоры всех до единого обратились ко мне.

Не знаю, как так вышло, возможно, случайно, возможно, потому, что где-то на подсознательном уровне я и собиралась в первую очередь отыскать глазами этого человека... В общем, так оно и получилось.

Две секунды.

Шейн стоял, громко смеясь и запуская клочком бумаги в согруппника у другого края стола. В ответ на это ему в лицо тут же прилетело несколько бумажных шариков. Остальные парни тоже смеялись, наперебой доказывая что-то друг другу, отчего в зале было очень шумно.

Правду говорят – мужчины, как дети. Ведь передо мной не маленькие мальчишки и даже не подростки. Взрослые парни. Заявленные серьёзные музыканты. Любимцы миллионов. И если бы не напряжённая ситуация (для меня), возможно, это их поведение даже вызвало бы улыбку. Но сейчас... я просто не знаю, что такого должно произойти, чтобы мои туго сжатые губы смогли растянуться.

Громкая речь недоумка и смех всех остальных оборва-

лись ровно через две секунды после того, как двери за моей спиной захлопнулись. Шейн застыл в неестественной позе, с остатками улыбки на лице и высоко поднятыми бровями. На этот раз он был без кепки: пепельного цвета волосы застыли волосок к волоску в виде идеального, по рокерским меркам, беспорядка – эдакий гламурный одуванчик. Уши в металле, колечко в брови, стильная и почему-то безумно яркая одежда, хотя в предыдущие несколько раз видела его исключительно в чёрном. А сейчас... Да чего уж там – прямо глэм-рокер какой-то!

Едва удержалась, чтобы не фыркнуть – положение не выигрышное.

В моём сознании секунды превращались в минуты, чему была несказанно рада. Мне нужно было время, чтобы принять, осмыслить, собраться и действовать. Несмотря на кровь, бурлящую в ушах, и сердце, с грохотом стучащее о рёбра.

Высокая фигура Шейна очень медленно опустилась на стул. Также демонстративно медленно он сцепил пальцы в замок, слегка наклонившись к столу, и продолжил сверлить меня своими демонически-чёрными глазами, как последнюю заразную дрянь на этом свете.

Сглотнула.

Не позволю недоумку самоутверждаться за мой счёт.

Натянула на лицо каменную маску и сделала шаг вперёд. Калёб сидел по правую руку от Шейна и выглядел... Вот

же ж... даже не знаю, какое слово подобрать. Он был удивлён – это точно. Очень-очень удивлён! Несколько прядей тёмных волос падали на глаза, но это не помешало мне разглядеть замешательство в их серебряном блеске.

Захотелось завязать себя в морской узел и смыть в ближайшую канализацию.

Мы, конечно, никто друг другу, но сейчас жалею, что не рассказала ему об участии в шоу, когда была возможность, – на одно недоумевающее лицо было бы меньше.

– Номер «322», Тейт Миллер! – объявил кто-то, чей голос не имел никакого отношения к «великолепной пятёрке», и ассистент в жёлтой майке положил на стол перед каждым из судей по листу бумаги, наверняка с информацией обо мне.

Парень-азиат, если верить Википедии, – кореец, видимо, не припомнив случая в аэропорту, скользнул по мне мимо-лётным взглядом и уставился в профайл. А остальные участники FB, не считая Калеба и *э-т-о-г-о*, глядели с придишкой и будто бы что-то припоминая.

Лучше не вспоминайте. Пожалуйста.

Ага, конечно...

Лицо парня с иссиня-чёрными волосами будто бы прозрело! Глаза заискрились, он каркаяще усмехнулся, скрестил руки на груди и бросил нетерпеливый взгляд на Шейна, который даже ухом не повёл, потому как сверлил глазами дыру в моём лбу.

– Сталкер, – будто вынес приговор, вдруг произнёс Шейн

угрожающе тихо. Хищная опасная улыбка медленно рождалась на его губах. Приподняв голову, откинулся на высокую спинку стула и с самым высокомерным видом на свете сложил руки на груди, при этом продолжая испепелять меня взглядом хищника, вот-вот готового попробовать свою добычу на вкус.

Тихо и очень медленно зашипел:

– Очевидно, никакое впечатление не может перейти в сознательный опыт, если ему не удастся проникнуть в мозговые полушария и вызвать там те или иные процессы.

– Аристотель? – приподнял бровь парень с чёрными волосами.

– Уильям Джеймс, – ответила я, жёстко глядя на Шейна, сняла Гибсон с плеча и смело расстегнула чехол.

Для тех, кто не понял, – Шейн только что назвал меня тупой.

Уничтожающее всё и вся выражение на лице лидера группы ничуть не изменилось. Зато Калёб наконец соизволил улыбнуться, видимо, усвоив информацию о том, что я не призрак, раз умею говорить и действительно участвую в шоу.

– Тейт Миллер.

От неожиданности вздрогнула, так как из-за «великолепной пятёрки» не исследовала помещение на наличие других людей. А они тут были! Например, мистер Вонг, в ампула а-ля Элвис Пресли, заседал за столом в противоположном углу зала и с задумчивым видом изучал листок бумаги с моим

профайлом. Соседний стул занимал пожилой мужчина с седой бородой длиной до первой пуговицы кожаного жакета, а уши по количеству металла не идут ни в какое сравнение даже с ушами недоумка.

– Тейт Миллер, – повторил мистер Вонг и, наконец оторвав взгляд от профайла, посмотрел на меня. – Сейчас включатся камеры, – указал на операторов в разных углах помещения, – ведите себя естественно и просто делайте то, зачем пришли, – широко улыбнулся и взглянул на Гибсона. – Прошу, подключайте инструмент и приступайте к исполнению, после чего мы немного поговорим. Помощь нужна?

Я слабо улыбнулась:

– Помощь подключиться?

Мистер Вонг кивнул.

– Нет, спасибо. Наверняка справлюсь.

Клянусь, только что прозвучал смешок Шейна.

– Джаред, напони-ка мне, что там по графику после съёмок шоу? – раздался его издевательский голос. – Хотя нет, подожди, тут же есть более проинформированные люди, – глумливо рассмеялся и кивнул в мою сторону лохматой шевелюрой. – Эй, сталкер, что там у нас по графику?

Шумно выдохнула, закатив глаза. Спокойно. Я здесь не для того, чтобы собачиться с кретином, у которого налицо полное отсутствие мозгов! Я здесь, чтобы играть, и я сделаю это.

– Я готова! – объявила, глядя на мистера Вонга.

В этот момент включились камеры и студийный свет нескольких прожекторов.

Мистер Вонг кивнул:

– Прошу вас, станьте в центр, представьтесь и сообщите, что собираетесь исполнить, после чего приступайте.

Так и сделала. Ещё раз проверила звук гитары, коротко откашлялась и бросила последний взгляд на судей. Шейн напоминал самое мерзкое, самое противное и самое надменное существо из всех, что только можно вообразить! Взгляд говорил лишь одно: «Ну, давай, ничтожество, облажайся, и я с удовольствием это прокомментирую».

Глубоко вздохнула и уже почти повернулась к центральной камере, как почувствовала взгляд Калеба. Этот парень не выглядел безразлично или высокомерно, как большинство участников FB. Кaleb казался таким... простым. Будто сосед с противоположной улицы, с которым мы знакомы тысячу лет, пришёл поддержать меня на прослушивании. Удивительно...

– Тейт Миллер, – сказала я в камеру.

– Что будете петь, мисс Миллер? – с улыбкой поинтересовался куратор шоу.

Твёрдо взглянула на него:

– Я не буду петь.

Фыркание со стороны судей. Я не поддавалась искушению показать Шейну средний палец и даже голову в его сторону не повернула; смотрела на Вонга.

– Я буду играть, – повернулась к камере и объявила: – Metallica «Battery».

Дяденька с бородой резко вскинул на меня глаза – наконец-то удостоив мою персону вниманием. Со стороны FB полетели смешки; хохот Шейна звучал громче всех.

Мистер Вонг продолжал улыбаться:

– Очень интересно! Вы уверены?

– Это одна из самых сложных композиций у данной группы, – озадаченно изогнув бровь, сипловатым голосом произнёс бородатый дядечка.

– Знаю, – ответила я, перекидывая ремень через плечо.

– Вы настолько в себе уверены? – поинтересовался мистер Вонг.

Который раз за день мне задают этот вопрос?..

Решительно взглянула ему в глаза:

– Я могу начать?

– Очень интересно! – звонко протянул куратор шоу, потирая ладони. – Что ж, прошу, начинайте.

Повернулась к судьям, именно такие были указания на счёт второго этапа конкурса: я должна играть для них.

– Эй, принцесса, – криво улыбаясь, протянул Шейн, – если облажаешься, а ты облажаешься, я позабочусь, чтобы твоё выступление показали по телеку первым и с самого начала до конца.

– Вырежьте это! – скомандовал мистер Вонг операторам. – Шейн, ты не должен так говорить с участниками шоу.

– Она не участник, – фыркнул Шейн, заведя руки за голову, принимая расслабленную позу, – она – сталкер.

– Это тоже вырежьте, – устало добавил куратор, массируя указательным пальцем висок.

– В профайл посмотри, – раздался жёсткий голос Калеба, обращённый к Шейну, – она прошла первый тур.

– Прошла, – нехотя согласился тот и заинтригованно вздёрнул брови, – но вот каким способом...

И я заиграла!

Мне не было страшно. Я больше не нервничала. Сердце вернулось к нормальному ритму, потому что теперь... им управляла музыка... Она была везде. Во всём теле. Музыка рождалась в моей голове, текла по венам до самых кончиков пальцев и била по струнам, рождая волшебство. Игра на гитаре – моё волшебство.

Я растворялась в её звуках, покидала этот мир, сама становилась музыкой. Это была эйфория. Это незабываемо. Это бесподобно и ни с чем не сравнимо. Музыка – моя жизнь. Моя гитара – моя жизнь. И сейчас моя «крошка» со мной, а значит, во мне не осталось места для сомнений и неуверенности. Я играю так, как умею, – неидеально, но вкладывая всю душу.

Начав с лёгкого перебора, невесомо задевала кончиками пальцев новёхонькие струны, закрыв глаза, не думая ни о чём. Пока не пришло время показать мощь настоящего рока! Рока легендарной группы!

Барабаны застучали в голове! Бас-гитара творила невероятное! Это слышала лишь я, но меня слышали все. И я играла! Играла, как всегда выкладываясь на полную, независимо от того, где это происходило: на репетиции, на улице, на концерте, или здесь – на прослушивании.

Ритм звучал безупречно! В нём я была уверена на все сто! А когда началось соло, я открыла глаза и сосредоточила взгляд на грифе. Это была самая сложная часть и никогда и ни за что не скажу, что играю её безупречно. Играю так, как чувствую. Так, как могу и умею это делать.

Гитара завывала. Кончики пальцев наполнялись огнём. Приятным огнём. Это была сама лучшая боль на свете. Барабаны по-прежнему звучали в голове, и ритм-гитара, которая стала фоном для моего соло. Ладони становились влажными, капельки пота сбегали по вискам и спине, я чувствовала, как к ней прилипает футболка. Но это всё было неважно, только не теперь, когда я и музыка стали одним целым!

Я ни на кого не смотрела, только на гриф моего Гибсона. Соло-партия закончилась, и я вновь вернулась к быстрому ритму. К очень быстрому! К такому, что хотелось сорваться с места, запрыгать, как сумасшедшая, и затрясти головой, как это бывает в клубах на концертах. Я играла всё быстрее и быстрее, ударяя по струнам со всей мощностью, со всем усердием... Гибсон горел и плавился в моих руках, барабаны разрывали голову изнутри – это была наша совместная партия. И вот последние аккорды... резкие, мощные, я вложила в

них всю себя без остатка и, напоследок ударив по струнам, резко подняла гитару в воздух.

И наступила тишина. Везде. В помещении. В моей голове.

Камеры продолжали снимать то, как часто я дышу, высоко вздымая грудь. То, как капельки пота рисуют дорожки по всему лицу, то как дрожат руки, но не от волнения, а от адреналина... Смогут ли зрители это понять?..

Смогут ли судьи это понять?

Не знаю, сколько длилась пауза. Тяжёлое рваное дыхание – всё, что слышала я. И я всё ещё была там – в эйфории, и улыбалась самой широкой, удовлетворённой улыбкой на свете. Это был миг счастья. Я всегда счастлива, когда играю.

Кто-то откашлялся. Мистер Вонг поднялся на ноги, твёрдо кивая головой:

– Что ж, мисс Миллер, это было... впечатляюще, должен признать.

Бородатый дядечка выглядел задумчиво. Он почёсывал бороду и пожёвывал нижнюю губу, глядя на мои дрожащие от восторга руки.

Судьи. Конечно же, здесь ведь ещё и судьи имеются.

Тяжело дыша, повернула голову к ним, всё ещё не в силах побороть улыбку.

Глаза Калеба были самыми странными... На этот раз они блестели больше обычного, но в них не было уже знакомой мне теплоты, они казались... такими пристальными, внимательными, замороженными...

Однажды я была на концерте Three Days Grace – одной из моих любимых групп, и вот примерно таким же взглядом, порядка десяти минут не двигаясь с места, я глядела на их вокалиста, не в силах поверить, что наконец увидела Адама собственными глазами. Понятия не имею, почему вдруг это сравнение родилось в моей голове... Наверное, адреналин по мозгу слишком больно ударил.

Парень-азиат и длинноволосый блондин многозначительно переглядывались, кивая друг другу и делая пометки в блокнотах. Судья с иссиня-чёрным хаером волос выглядел сдержанно удивлённым, словно пытается держать марку мировой знаменитости, но так, чтобы не казаться законченным скрягой.

Итак. Шейн.

Ноль эмоций. Вообще никаких. Пустое лицо. Пустые глаза. Как у куклы. Искусственный человек, манекен. Даже презрение к надоедливому сталкеру куда-то пропало, словно я и не играла только что перед ним и для него. Для всех них. Словно и нет меня на этом месте. Словно я и есть – пустое место.

ГЛАВА 8

Я долго и с вызовом смотрела ему в глаза, в то время как трое из участников группы, а также мистер Вонг и бородатый дядечка переговаривались. А Шейн смотрел на меня. Точнее – сквозь меня, так, пожалуй, будет правильнее. И этот его взгляд лучше всяких слов говорил о том, что пора бы мне уже двигаться к выходу, ловить такси и покупать на последние деньги билет на самолёт.

– Тейт, – позвал мистер Вонг, и я наконец заставила себя отказаться от игры в гляделки с Шейном, – я могу к тебе так обращаться?

– Да, конечно.

– Отлично, – мистер Вонг подровнял стопку бумаг на столе, сцепил пальцы в замок и внимательно поглядел мне в лицо, – сейчас вам нужно будет ответить на несколько вопросов, прежде чем судьи и мистер Ларсен – наш многоуважаемый музыкальный критик – примут совместное решение о вашей дальнейшей судьбе на шоу. То есть о том, проходите вы в следующий тур или нет.

Не уверена, что мне это поможет, но всё же приятно осознавать, что кроме как кучке самовлюблённых идолов, судить участников доверили ещё и кому-то со здравым смыслом и многолетним опытом.

– Хорошо, – кивнула я.

– Хорошо, – повторил мистер Вонг. – Итак, Тейт, где вы обучались мастерству игры на гитаре?

Дыхание наконец пришло в норму, эйфория отступила и началась, на мой взгляд, самая сложная часть.

Камеры продолжали съёмку.

Глубоко вздохнула, облизала губы и коротко пожала плечами:

– Дома.

– Дома? – удивился куратор, изогнув бровь.

Кто-то сбоку фыркнул, но на голос Шейна не похоже. Возможно, блондин, или кореец.

– Это запрещено? – без стеснений поинтересовалась я.

Мистер Вонг сделал пометку в блокноте:

– Нет, разумеется. Как давно вы играете на гитаре?

– На акустической – с пяти лет, на электро, в общей сложности, четыре года, но до тех пор, пока не приобрела свой инструмент, играть выходило не очень часто.

– И как давно вы приобрели свой инструмент?

– Год назад.

– Всего? – теперь обе брови куратора изогнулись домиком. – Значит целиком и полностью вы смогли посвятить себя игре на электрогитаре лишь год назад?

Мистер Ларсен, судя по выражению лица, не упускал из внимания ни единого слова. На судей смотреть не хотелось. Даже на Калеба с его этим странным выражением лица.

Что ж... ответим честно:

– Я не могла позволить себе раньше совершить такую покупку. Точнее могла, но... не хотелось приобретать инструмент сомнительного качества и с неважным звучанием.

Куратор продолжал диалог:

– То есть вы предпочли подождать и при первой возможности приобрести себе этого красавца? – кивнул на моего жгуче-чёрного Гибсона.

Я кивнула в ответ.

– Похвально! – звонко протянул мистер Вонг, совершая очередную пометку в блокноте. – Простите за нескромный вопрос, Тейт: выходит, вы закончили только школу?

– Я закончила старшую школу при православной церкви в Нью-Йорке, а также два года отучилась в колледже.

– Только два? Почему не продолжили обучение? – без стеснений интересовался куратор.

Потому что счёт в банке, что остался мне от матери, опустел нереально быстро – о чём, конечно же, я говорить не собиралась. Как и о том, что лишь половина из оставленных мне средств ушла на первые два года обучения в колледже, в то время как вторая часть была потрачена на съём квартиры и мой обожаемый Гибсон.

В день его покупки мне исполнилось девятнадцать, это было чуть больше года назад. Тогда я решила, что электрогитара вполне справедливо станет подарком от мамы на такое важное событие в моей жизни, хотя и самой её уже дав-

но нет рядом. Думаю, она была бы рада. Конечно, если не задумываться над тем, что эти деньги можно было легко потратить на следующий год обучения. К тому же у меня ещё подработка была, так что вполне могла с этим справиться. Но я решила иначе.

С невинным видом дёрнула бровями и послала мистеру Вонгу милую улыбку:

– Работать захотелось. Непреодолимо.

– Вот как?.. И кем же вы работаете, если не секрет?

Я уже поняла, что мистер Вонг из той категории людей, которые из-за своей открытой натуры совершенно не замечают, что некоторые вопросы иногда задавать ну совершенно неуместно, ибо они могут поставить ответчика в неловкое положение. Но не могу ведь я его попросить сменить тему и поинтересоваться, например, о том, как быстро я могу выучить незнакомую мне гитарную партию.

Нет, мне не было стыдно за незаконченный колледж, тем более что планирую в него вернуться; и за работу в супермаркете, но в данной ситуации меньше всего хотелось слышать очередные насмешки Шейна – самовлюблённого богатого мальчика.

– Тейт? – улыбался мистер Вонг.

– Думаю, меня уже уволили.

– Уволили?

– Да, я взяла два выходных, но пропала на неопределённый срок.

– Не жалеете? Всё ещё нет гарантий, что вы пройдёте дальше.

– О чём? – фыркнув, усмехнулась. – О ночной смене в супермаркете? Даже не знаю... переживу, скорее всего.

Куратор шоу усмехнулся и отложил мой профайл на край стола. Со стороны «великолепной пятёрки» доносилась возня, но Шейн всё же удержался от комментариев. Что удивительно!

– Мисс Миллер, – низким тембром заговорил мистер Ларсен, прищуренно глядя мне в глаза и теребя пальцами густую бороду, – вы знаете, что в соло-партии были оплошности?

– Да, – твёрдо кивнула. Конечно, я знала, что сыграла далеко не чисто.

Ларсен не сводил с меня пронзительного взгляда:

– Довольно много оплошностей... Ритм-партия была на отличном уровне, но соло... Не сказал бы, что оно вышло плохо, но всё же... Признаться, когда услышал, что именно вы собираетесь исполнить, думал всё будет гораздо хуже, ведь эта песня одна из тех – в репертуаре всеми нами известной и легендарной группы, – которую целиком и в совершенстве может повторить далеко не каждый. Но вы рискнули и... риск был вполне оправдан. Ваш уровень игры далёк до идеала, но и возраст у вас располагает к тому, чтобы продолжать учиться. Так что... пожалуй, лично я ЗА то, чтобы вы продолжили участие в проекте.

С благодарностью кивнула. Вот уж приятно услышать по-

добное от музыкального критика. Правда сомневаюсь, что от его слов сейчас много чего зависит.

– Вы играли в коллективе раньше? – поинтересовался мистер Ларсен, совершая пометки в блокноте.

– Пару месяцев.

Критик стрельнул в меня взглядом из-под бровей.

– И что же вынудило вас уйти?

Улыбнулась и пожала плечами:

– Не сошлись характерами.

– Поясните, пожалуйста, – а вот Вонг выглядел озадаченно. Оно и понятно – сказала так сказала: кому в группу нужна девчонка, которая не в состоянии поладить с остальным коллективом?

Коротко вдохнула, натягивая на лицо безмятежное выражение и терпеливо заговорила:

– Малоизвестные рок-группы, знаете ли, сильно отличаются от коммерческих.

– Вы имеете в виду – уличные группы? – перебил Вонг.

Кивнула:

– Можно и так сказать. Мне нравилось играть в группе, но не нравилась их безответственность и отношение к работе. На первом же выступлении вокалист напился в такой хлам, что нас попросту не выпустили на сцену.

– Но не все ведь группы... такие, – сомнительно улыбнулся Вонг, постукивая карандашом по стеклянной столешнице.

– На постоянной основе я играла только в одной.

– Значит, есть ещё не постоянная? Я правильно понимаю? – поинтересовался Ларсен.

– Я подрабатываю на заменах.

Вонг непонимающе сдвинул брови:

– В каком смысле?

Перевела взгляд на него:

– Как раз в таких случаях, как с напившимся вокалистом. Я заменяю гитаристов различных групп по мере необходимости.

– Прямо перед выступлениями?

– Не всегда, но довольно часто. У меня хорошая память, я могу выучить все партии ритм-гитары минут за двадцать-тридцать.

Ларсен удовлетворённо закивал, опустив вниз уголки губ. Седая борода то опускалась на край стола, то подскакивала обратно.

– Благодарю вас за открытость, мисс Миллер, – произнёс критик.

– И последний вопрос, Тейт, – заговорил Вонг, пристальным взглядом исследуя мои волосы, – сиреневый – хороший цвет, безусловно, но допустим, вам решат поменять имидж, как вы к этому отнесётесь?

Весело усмехнулась:

– В зависимости от того, какой имидж будет предлагаться. Пометка в блокноте.

– Итак, – Вонг приподнялся из-за стола и кивнул всем жю-

ри по очереди, – мистер Ларсен, парни, прошу вас принять решение.

Вот и наступило время посмотреть на судей. И... ну надо же, мы больше не выглядим безразлично! Презренный взгляд Шейна вернулся на место, мерзкая ухмылка на один бок, скрещенные на груди руки. Само высокомерие во плоти!

– Я уже высказал своё мнение, – раздался голос мистера Ларсена, а я всё продолжала жёстко смотреть на недоумка и ждать его – момента, когда меня с позором выставят за дверь.

– Прошу вас, не затягивайте, – произнёс куратор шоу, – у нас ещё куча работы.

– Не вижу смысла обсуждать это, – ледяным голосом отрезал Шейн, слабо, но категорично мотая головой.

– А мне понравилось, – обратился к нему черноволосый парень, пожав плечами.

– Согласен с Джаредом, – закивал азиат. – Мощно было.

– Да она просто больная фанатка, – простодушно усмехнулся Шейн.

– Тейт участвует в проекте, как и все остальные! – недобро напомнил ему Калеб.

– *Тейт?* – прищулив глаза, будто ослышался, скривился Шейн.

Калеб злобно нахмурился:

– Да, её так зовут.

Новый короткий смешок Шейна. Вид такой, будто он искренне не понимает, о чём они вообще тут так долго разговаривают и только зря тратят время.

– Правда? – недоумок растянул губы в глумливой улыбке. – Она играла? Когда это? Когда я отлить выходил?

– Шейн, не будь ты идиотом, – заступался за меня Джаред, раскачиваясь на стуле. – Девчонка отлично сыграла!

Вот уж неожиданность!

– Ей не нужен проект! – повысил голос Шейн, видимо, порядком подустав от несущественной болтовни. – Или мне напомнить, кто она такая?!

– Ну, и кто я?! Сталкер? – подала голос я, глядя на придурка со всем отвращением, которое только могла из себя выдать. – Или настолько отстойно играла?

Глаза Шейна предвзято сузились, голова слегка накренилась набок, словно такая пыль, вроде меня, вообще не имела права разговаривать с его Высочеством без официального разрешения.

– Разве имеет значение то, как ты играла? – устало протянул он.

Я выпрямилась, как по стойке смирно, сжимая кулаки и едва удерживая ноги на месте, потому что желание сбросить недоумка с этого стула с каждым его поганым словом становилось всё более и более безудержным.

– Ребята, вы знакомы? – прозвучал голос мистера Вонга, с интересом наблюдающего за разворачивающимися военны-

ми действиями.

– Нет! – одновременно рявкнули я и Шейн.

Мне хотелось уничтожить его взглядом, прожечь дыру в самом центре лба и в лишний раз убедиться в полном отсутствии мозгов!

– Выключите камеры, – с опасением в голосе дал команду мистер Вонг.

– Не выключать! – прогремел Шейн, не сводя с меня глазного прицела. – Это ведь шоу! Разве нет? Так пусть оно продолжается!

– Шейн, за дверью ещё много участников! – как-то не очень убедительно спорил Вонг.

– А мы скоро закончим, – хищно улыбнулся Шейн.

Калев, надув щёки, устало выдохнул и с обречённым видом прикрыл глаза рукой.

– И это по вашему объективно?! – я яростно всплеснула руками, глядя на куратора.

– Вырежьте это! – воскликнул Вонг. – И... и уходим на перерыв! – Стул с визгом проехался по плиточному полу. Стул мистера Ларсена следом.

Серьёзно?!.. Вот так вот возьмут и уйдут?!

А как же дать мне ответ?! Что значит перерыв?! Всем плевать, что ли? Я ведь так и не получила однозначного ответа! Что это ещё за безответственное отношение к работе?!

– Мы вернёмся через десять минут, – добавил Вонг. – Чтобы решение было принято!

Опасная улыбка растянулась на губах недоумка. Очень опасная. Такая, что мурашки невольно побежали по коже.

У него что-то на уме. Ну точно. Прямо чувствую это всем своим мягким местом.

А-а, чёрт с ним – с ответом! И с недоумком тоже! Я ухожу!

Послала Шейна взглядом в самое пекло и принялась упаковывать Гибсона в чехол. С гораздо большим усердием, чем требовалось.

– Докажи, что проект тебе нужен, – прозвучал вкрадчивый, пропитанный ядом голос мистера Одуванчика.

Удостоила его взгляда:

– А чем я, по-твоему, тут занималась? – выпрямилась, с раздражением откинула пряди волос за спину и, с вызовом глядя на Шейна, упёрла руки в бока. – Ах да, прости, чуть не забыла: не мог бы ты расписаться на моей груди? Я ведь за этим пришла, да?!

– Я не расписываюсь на груди, – усмехнулся недоумок, и чёрные глазищи застыли на месте чуть ниже моей ключицы. – Да и где тут грудь?

Мой ответ был настолько нецензурным, что вряд ли я ещё когда-нибудь решусь его повторить.

Натянуто улыбнулась, глядя на застывшее в удивлении лицо Шейна, вновь схватилась за чехол и продолжила манипуляции по упаковке гитары. Руки не слушались, так что молния просто-напросто отказывалась подчиняться!

Надо просто валить отсюда! Просто валить! Скорее! Пока

я не разбила этому кретину нос!

– А у принцессы-то грязный язычок, – отвис Шейн, коротко усмехнувшись.

Кореец и парень с хвостиком давились беззвучными смешками.

Челюсть Калеба играла желваками, брови сдвинуты, взгляд прожигает пол где-то в области центральной камеры, которая, к слову, и не думала выключаться.

Шоу! Шейн творит шоу!

Резко дёрнула на себя и от чрезмерного усердия сломала молнию на чехле. Чёрт.

Прикрыв глаза, медленно выдохнула.

«Не теряй самообладания, Тейт».

Взяла Гибсона в одну руку, чехол в другую, сделала шаг назад и на кого-то наткнулась – Шейн стоял позади меня. Подбородок слегка опущен, что делало взгляд ещё тяжелее, губы плотно сомкнуты и выражение жестокого убийцы на лице.

– Я ухожу, – бросила с омерзением и направилась к двери.

Но не тут-то было! Шейн схватил меня за локоть и потянул на себя.

Ларсена и Вонга, конечно же, не было на месте! И это нормально? Это тоже входит в рамки шоу, что ли?! А если меня тут убьют?! Или убью я...

С силой выдернула руку:

– Не прикасайся ко мне!

– Ты хочешь остаться в проекте или нет? – прошипел Шейн, на этот раз не улыбаясь, отчего казался ещё более опасным.

Сузила глаза:

– Что у тебя за неудовлетворённость по жизни?

– У меня нет времени с тобой разговаривать, – равнодушно отозвался Шейн. – Отвечай на вопрос: ты хочешь остаться в проекте?

– Даже если хочу, ты мне этого не позволишь, так что отвали и дай пройти!

– Зачем тебе это? – Шейн продолжал свой идиотский бессмысленный допрос.

Я мрачно усмехнулась:

– Что?

Недоумок с важным видом скрестил руки на груди и приблизился на шаг, нависнув надо мной, как подошва ботинка над приговорённым к смерти муравьём.

– Слава? – слегка склонил голову на бок.

– Почему бы и нет? – вкладывала ненависть в каждое слово.

– Деньги?

– Никому не мешают.

– Известность?

Презрительно сузила глаза:

– Разве не то же, что и слава?

Шейн издал приглушённый смешок:

– Не одно и то же, но ты не такая уж и безнадёжная.

– О, правда? Без этих слов моя жизнь была такой бессмысленной.

Шейн продолжал гнусно улыбаться, находясь в опасной близости от хука справа:

– Зачем тебе проект?

– Разве я не ответила?

– Думаешь, здесь намного лучше, чем на улицах? Думаешь, только в клубах творится одно дерьмо, а здесь у нас праздник каждый день? Что ты знаешь?

– Шейн, да отстань ты от неё! – с неуверенным смешком воскликнул кореец. – Пусть идёт.

Шейн, не разрывая контакт с моими глазами, вкрадчиво произнёс:

– Мы ещё не дали ответ. Как она может уйти?

Не сдержала абсурдного смеха. Просто в голове не укладывается. Как я вообще до всего этого докатилась?

– Вот же псих...

Бровь с пирсингом озадаченно взлетела:

– Я псих?... Серьёзно?... В отличие от одного фрика-сталкера я никого не преследую и не лажаю перед всеми, пытаюсь повторить гениального гитариста «Металлики».

– Ещё бы... – фыркнула я, отведя взгляд в сторону.

Шейн хмыкнул, вновь натянув мерзкую улыбочку:

– Ты слаба.

На этот раз мои брови оказались не в состоянии оставать-

ся на месте.

Вы только посмотрите, кто это у нас себя опупенным кри-
тиком почувствовал!

– Я не имею в виду твой уровень, как музыканта, – лег-
комысленно пожав плечами, добавил Шейн. – Плевал я на
него. Ты слаба, как человек. Сломаешься уже в следующем
туре.

– О, так я прохожу в следующий тур? – поинтересовалась
с сарказмом.

Холодная улыбка Шейна стала шире, чёрные глаза недоб-
ро блеснули:

– Только если избавишься от своей слабости.

Что это только что за звук был?..

Не моя ли это челюсть стукнулась о пол?

Совсем сбрендил? Что в башке у этого идиота?! Кто это у
нас тут идол?! За что его любят миллионные толпы фанаток
по всему миру?! Весь мир с мозгами, что ли, не дружит?!

Избавиться от слабости? Это он про мою «крошку» сей-
час что-то вякнул?

– Разбей гитару, – Шейн кивнул на Гибсона.

С силой прикусила нижнюю губу, чувствуя, что последнее
моё ругательство было не самым оригинальным на сегодня.

Шейн игриво дёрнул бровями.

– Цена за проход в следующий тур? – мой голос дрожал,
но не от испуга – от злости. От злости в чистом виде!

– Докажи, что ты не сталкер. Докажи, что проект и жела-

ние играть на большой сцене для тебя важнее всего. Если пройдёшь в следующий тур, репетиционный зал для оставшихся участников будет под завязку набит инструментами. Бесплатными, – Шейн многозначительно поиграл бровями. – А если вдруг дойдёшь до конца, сможешь купить себе с десяток таких же, – он кивнул на Гибсона и пристально уставился мне в лицо. – Сюда приходят люди, для которых проект, возможно, единственный шанс чего-то добиться. Уверен, предложи я им нечто подобное, ни у кого бы и сомнений не возникло. А ты... сомневаешься...

Кажется, даже лицо покраснело от ярости! Руки дрожали от злости. Меня разрывало на части! Так хотелось наброситься на самодовольного кретина и поломать каждую косточку в его звёздном теле, но разве не этого он хочет? Шоумен проклятый.

Я широко улыбнулась:

– Предлагаешь мне предать единственного друга и взамен получить с десяток фальшивых? Хотя... о чём это я? Разве такому, как ты, понять?

– Друга? – громко фыркнул Шейн, и на раздражённом выдохе на секунду отвёл глаза. – Это неодушевлённый предмет, которому проще простого найти замену... Слушай, принцесса, я устал от этого разговора и от дряни, что несёт твой рот. Разбей гитару, сделай шоу и получи билет в следующий тур, или... – короткий вздох без сожалений, – или проваливай и упусти свой единственный шанс пробиться в люди. Можешь

не верить, но я даю тебе дельный совет. Мир, в который ты так стремишься попасть, сожрёт тебя со всеми потрохами, если не избавишься от слабостей.

Пред глазами вдруг потемнело, в нос ударил приятный и уже знакомый мне аромат парфюма: широкая спина Калеба заслонила собой всего Шейна целиком, спрятав его от меня... или наоборот.

Тут же сделала шаг в сторону. Спасибо, конечно, большое, но я уже взрослая девочка и умею за себя постоять.

– Хватит, – прозвучал пугающе тихий голос Калеба. Пронзительно серые глаза превратились в два хрусталика льда, которыми он жёстко взирал на лидера своей группы.

– Ты ей в рыцари, что ли, нанялся? – весело усмехнулся Шейн. – Отвали, Калеб. Я сделал ей выгодное предложение. Пусть сталкер расставит приоритеты.

– Ты не имеешь права просить её об этом.

– Почему? – улыбался Шейн. – А? Почему? Потому что ты запрещаешь мне это? – Шейн бросил брезгливый взгляд на меня. – Кто она тебе такая, Калеб? Что с тобой, приятель?

Взгляд Калеба стал ещё более холодным, он медленно приблизился к Шейну; тот не сдвинулся с места.

– В первую очередь – она девушка, а это уже повод для того, чтобы не накидываться на неё, как больной на всю голову кретин, – сдержанно прорычал Калеб. – Во-вторых, за последние три дня, она лучший гитарист из всех, что мы здесь видели, и если ты не признаёшь даже этого, значит у тебя

ещё и со слухом проблемы с недавних пор.

– Ну и что? – Шейн удивлённо усмехнулся. – Ты себя-то слышишь? Мы сейчас спорим из-за девки, которая ничего существенного, кроме как потрясающих способностей в преследовании, из себя не выдала! Посмотри на неё, Кaleb. Ты серьёзно сейчас?

– Ты самый жалкий кусок дерьма из всех, что я видела в своей жизни, – спокойно произнесла я. – Мне жаль тебя.

Шейн глядел на меня широко распахнутыми глазами:

– Слушай, принцесса сиреневых единорогов...

– Всё, что у тебя есть, – это группа, которая не вечна, – решительно перебила я, сделав шаг вперёд, – и толпа фанатов, каждая из которых любит тебя исключительно за смазливую мордашку. Думаешь, им музыка твоя нужна?.. Да уж, конечно! Только если для того, чтобы на рингтон поставить, просто потому что быть фанатом FB модно! Твоя музыка – всего лишь фон во время проведения ритуала по пусканию слюней над твоим фото! Это ты имел в виду под пониманием «слава»? – Сделала ещё шаг к обездвиженному Шейну. – И знаешь что... однажды... даже это исчезнет. И тогда... тогда ты останешься одинок, потому что у такого куса дерьма, как ты, просто не может быть настоящих друзей. У тебя ничего не останется, кроме воспоминаний, и то – не особо стоящих. И можешь прямо сейчас добавить к ним ещё одно: как девка, ничего существенного из себя не представляющая, только что послала тебя и твои условия в задницу. Потому что,

даже если и меня одиночество не обойдёт стороной, я сделаю всё, чтобы гитара, которая за последний год стала частью меня, была рядом до конца. Но тебе ведь и этого не понять, – язвительно улыбнулась, – наивно веришь, что такого, как ты, всегда будут помнить.

И как оказалось, лучше бы я молча ушла из комнаты. Лучше бы молча покинула проект, пусть и с позором... Лучше бы было так по сравнению с тем что произошло в следующие секунды.

Думаете, Шейн из тех, на кого подобные слова могут произвести впечатление?

О нет... Думаете, его мозг способен поразмыслить над важностью сказанных слов и над тем, что большинство из них были правдой? О нет... Этот парень не так прост, как хотелось бы. Его гордость и самолюбие способны двигать города! Да что там города – целые страны, планеты! Он ни за что не отступится! Ни за что не проиграет! А я только что бросила ему вызов.

Шейн развернулся ко мне всем корпусом, внимательно глядя в глаза. Без презрения. Взгляд стал другим – заинтересованным, любопытным. Как у ребёнка, получившего на Рождество долгожданный конструктор, из которого он собирается долго-долго лепить разные фигурки.

Я почувствовала себя этим конструктором.

Шейн облизнул губы и едва заметно улыбнулся:

– А знаешь, я передумал. Кажется, с тобой будет интерес-

но, принцесса. Поздравляю, ты проходишь дальше. Я дарю тебе билет в следующий тур и даже помогу избавиться от слабости. Не стоит благодарностей. Спасибо скажешь потом.

А затем Шейн ловко вырвал у меня из руки Гибсон, схватившись за гриф. Развернулся в сторону и со всей дури ударил им о плиточный пол.

С громким треском и звоном струн гитара разлетелась в щепки.

Моя «крошка» умерла и часть меня вместе с ней.

Клянусь, я буду ненавидеть Шейна до конца своей жизни.

ГЛАВА 9

Вся жизнь промелькнула перед глазами...

Честно – вся жизнь. Потому что половина меня была только что уничтожена. Так что теперь я вряд ли представляю из себя цельное существо. Я поломана. Разбита. Так же, как моя гитара.

Я потеряла своего друга.

Шейн убил его...

Сознание превратилось в некий фотофильм: никакого движения, только кадры перед глазами, один за одним, с того момента, когда этот ублюдок вырвал Гибсон из моих рук. Мозг понимал, что это конец, только сердце вопило, до последнего веря, что в этом жестоком человеке есть хоть частичка здравого смысла.

Но он оказался болен на всю голову.

Стоп-кадры цветным калейдоскопом мелькали перед глазами: Шейн вырывает у меня гитару, Калёб бросается вперёд в попытке остановить неизбежное, и мой крик... Не помню, когда в последний раз кричала так громко.

Эта гитара была для меня всем. Частичкой меня. Частичкой моей матери. Одной из тех вещей, что каждый день напоминала о ней, храня в памяти её глаза, её улыбку... И пусть Гибсон появился моей жизни всего год назад, он был куплен

на деньги, что моя мама зарабатывала кровью и потом в течение многих лет. Берегла, откладывала... для меня.

А Шейн. Только что. Всё это уничтожил.

Следующий кадр: бессовестная наглая полуулыбка, чёрные дьявольские глаза без капли сожаления во взгляде. Мой крик стих. Сделала рывок вперёд и набросилась на подонка всем телом, ударив его о плиточный пол, как несколько секунд назад он сделал это с моей «крошкой»...

Взгляд Шейна тут же изменился – наполнился яростью! Суровость придала чертам его лица неожиданную зрелость.

– Это всего лишь неодушевлённый предмет! – заорал он, обхватывая мои запястья обеими руками, потому что мой кулак почти впечатался в его нос. Жаль, что почти что.

– ЭТО ТЫ – НЕОДУШЕВЛЁННЫЙ ПРЕДМЕТ! – закричала в ответ. Жжение в глазах становилось непреодолимым. – Эта гитара была куплена на деньги моей матери!!!

– Так в чём проблема?!! – орал Шейн, закипая от ярости. – Пусть купит тебе ещё одну!!!

– Мёртвые не ходят по магазинам!!! – с надрывом воскликнула я и тут же смолкла, поперхнувшись словом. В эту же секунду зрачки Шейна резко расширились, рот приоткрылся, а чьи-то крепкие руки рывком оттянули меня от недоумка и поставили на ноги.

Сперва подумала, что это Калёб, но нет – его держала охрана, не позволяя ввязываться в драку, если конечно про-

исходящее можно было так назвать. Двое амбалов в чёрных костюмах потащили меня к выходу.

На прощание прожигала убудка взглядом, чувствуя, как первые слезинки рисуют горячие дорожки по щекам. Шейн приподнялся на локтях, выглядя слегка обескураженным. Слегка. Ему по-прежнему не было жаль, но, кажется, слов не осталось. Как и у меня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.